ЯНВАРЬ 1/89

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА.

ISSN 0131-5994

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ «РОВЕСНИК» РЕШИЛ ПРЕДОСТАВЛЯТЬ СВОЮ ОБЛОЖКУ РАСПРОСТРАНЕННОМУ ЖАНРУ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ — КОМИКСУ. В ЭТОМ НОМЕРЕ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ КОМИКС ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА «ПРЕС-СИТРОН», СОЗДАННЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫМ АВТОРОМ — ВЫСТУПАЮЩИМ ЗА МИР ОБЪЕДИНЕНИЕМ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ «ПРИЗЫВ СТА». НАЗВАТЬ ЭТОТ КОМИКС ХОТЕЛОСЬ БЫ «ДИАЛОГ ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО». ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ БЫ.

Перефразируя стихи английского поэта, которые Хемингуэй взял эпиграфом к своему знаменитому роману, скажу так: колокол каждого регионального конфликта звонит по всем нам.

Это особенно верно потому, что конфликты эти происходят в «третьем мире», у которого и без того много бед и проблем такого масштаба, что это не может не беспокоить нас всех.

1988 год принес и на этом направлении наших общих забот проблеск надежды. Она коснулась почти всех региональных кризисов, и кое-где есть сдвиги. Мы их приветствуем, в меру своих возможностей способствовали им.

М. С. Горбачев
(из выступления в Организации Объединенных Наций)

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА. Более миллиона убитых, ущерб в 400 миллиардов долларов — итог этой «бессмысленной войны». Все началось, по сути, в начале нынешнего века, когда колониальные державы делили мир на сферы влияния, и границы проводились «под линейку» без учета национальных интересов освобождающихся стран, программируя раздоры. Южная граница между Ираном и Ираком проходит по реке Шатт-эль-Араб, причем суверенитет над рекой принадлежит Ираку. Для Ирака река является единственным водным путем в Персидский залив, Иран же всегда требовал такого пересмотра границы, который позволил бы ему пользоваться рекой для своих нефтяных перевозок. Неоднократно заключались и разрывались компромиссные соглашения о судоходстве по реке, пока в 1980 году спор не вылился в войну.

Понадобилось восемь лет кровопролития, прежде чем Иран и Ирак при посредничестве ООН сели за стол переговоров, наконец убедившись, что с помощью оружия они ни на шаг не продвинулись к поставленным целям. Переговоры, правда, как признает сам генеральный секретарь ООН, будут нелегкими и, возможно, продлятся не один год.

ПРОБЛЕМА НАМИБИИ. После поражения Германии в первой мировой войне хозяином германской колонии Намибии стал Южно-Африканский Союз (с 1961 года — ЮАР). В 1966 году Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за предоставление Намибии независимости, но ЮАР, поощряемая США, не ушла из страны, даже расширила свое военное присутствие там. Вооруженную борьбу с оккупантами возглавила Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО). Карательные операции расистов вынудили тысячи намибийцев бежать в соседнюю Анголу, что побудило южноафриканские войска совершать опустошительные рейды в глубь ангольской территории. Правительство Анголы обратилось за военной помощью к Кубе. Международная изоляция и обострение внутренних проблем вынудили власти ЮАР наконец согласиться с требованием ООН предоставить Намибии независимость. Процесс мирного урегулирования, заблокированный на протяжении многих лет, начался — при посредничестве США представители ЮАР, Кубы и Анголы приступили к переговорам.

КОНФЛИКТ В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ. Война за обладание Западной Сахарой тянулась двенадцать лет. Экономической подоплекой развернувшейся здесь битвы стали залежи фосфатов. Прежде Западная Сахара принадлежала Испании. Сахарские патриоты создали фронт освобождения ПОЛИСАРИО, который повел вооруженную борьбу с колонизаторами. Но в это время Марокко, а следом Мавритания заявили о своих притязаниях на территорию Западной Сахары и ввели войска. Военные действия с применением напалма вынудили к бегству в соседний Алжир около ста тысяч сахарцев. Война между оккупантами закончилась победой Марокко, которой теперь предстояло вести борьбу с ПОЛИСАРИО один на один. Прошло еще десять лет. Марокко оказалась не способной довести войну до победы, что вынудило марокканцев принять план ООН о проведении всенародного референдума в Западной Сахаре — а это значит, что теперь спор между Марокко и ПОЛИСАРИО пойдет за столом переговоров.

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА В НИКАРАГУА. Правительству Никарагуа досталась разграбленная семейством диктатора Сомосы страна с внешним долгом в два миллиарда долларов, но вместо мирного строительства Никарагуа вынуждена воевать с контрас — бывшими сомосовцами и главарями повстанческих группировок, не захотевшими делить власть с сандинистами.

Выход из кризисной ситуации правительство Никарагуа видит в прекращении войны. Поэтому когда президент Коста-Рики Оскар Ариас предложил мирный план урегулирования региональных конфликтов в Центральной Америке, Никарагуа подписалась под ним наряду с пятью другими центрально-американскими странами. Никарагуанское руководство пошло навстречу требованиям оппозиции. Впервые за время необъявленной войны прошли прямые переговоры между никарагуанскими руководителями и руководством контрас. Правда, эти переговоры были сорваны американскими хозяевами контрас, однако растущее противодействие политике американской администрации как стран Центральной Америки, так и в самом конгрессе США дает надежду, что начатый мирный процесс по урегулированию конфликта в Никарагуа приведет к конкретным результатам.

КИПРСКАЯ ПРОБЛЕМА. Бывшая английская колония — Кипр — в 1960 году получила независимость, но суверенитета так и не приобрела. По соглашению, определившему его государственное устройство и конституцию, страны-гаранты — Англия, Греция и Турция — оставили за собой право вмешиваться во внутренние дела Кипра, держать свои военные контингенты на острове, Англия же сохранила часть территории под военные базы. Такая ситуация не могла не привести к конфликту — через три года, действительно, между греческим и турецким населением Кипра начались вооруженные столкновения. На остров были введены войска ООН (с тех пор они там), чтобы воспрепятствовать развязыванию гражданской войны. Но в 1974 году режим «черных полковников», находившихся в то время у власти в Греции, организовал на острове вооруженный путч с целью присоединить Кипр к Греции. В ответ Турция ввела на остров войска и вскоре захватила сорок процентов территории на севере страны. И хотя через несколько месяцев режим «черных

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

Квадратики, помещенные рядом с оглавлением,— это не дань украшательству. Проставив в них знак + или знак — или оставив незаполненными, читатель выразит свое отношение к каждому опубликованному материалу: в первом случае — положительное, во втором — отрицательное, в третьем — безразличное. Вырезав и отправив оглавление с этими пометками в «Ровесник», читатели помогут редакции лучше ориентироваться в интересах и вкусах тех, для кого мы работаем.

Спасибо.

полковников» пал, а новое правительство Греции отказалось от территориальных притязаний на остров, Турция не вывела войска, кроме того, из Турции на Кипр приехали 50 тысяч поселенцев. В период военных действий киприоты-греки, оставляя свои дома, бежали с севера на юг страны, с юга на север бежали киприоты-турки. В минувшем году произошли определенные перемены: президент Республики Кипр Георгиос Василиу и лидер турецкой общины Рауф Денкташ при содействии ООН приступили к переговорам о возможности справедливого устройства независимого Кипрского государства. Но пока Турция не дает согласия на вывод войск с территории Кипра. На данном этапе ООН предпринимает усилия по включению Турции в мирный процесс урегулирования ситуации на Кипре.

КОНФЛИКТ НА АФРИКАНСКОМ РОГЕ. Этой новости ждали десять лет: Эфиопия и Сомали, соседи по Африканскому Рогу, приняли решение о восстановлении дипломатических отношений. Они также договорились прекратить «подрывную деятельность и враждебную пропаганду» в отношении друг друга, произвели разъединение войск на границе и обменялись военнопленными.

Пустыня Баламбале лежит по обе стороны сомалийско-эфиопской границы, которую тоже провели старым колониальным способом — линейкой по карте без учета особенностей пограничных районов, населенных кочевыми племенами. Граница всегда грозила превратиться в линию фронта, что и произошло в 1977 году,— войска Сомали вторглись в Огаден, принадлежащий Эфиопии, но заселенный в основном сомалийцами-кочевниками. Эфиопия отразила вторжение. Ориентируясь на помощь Запада, Сомали продолжала военные действия против Эфиопии. Но конфронтация обескровила Сомали, ее внешняя задолженность приблизилась к двум миллиардам долларов, вооружения поглощали до 50 процентов государственных расходов. Росла внешнеполитическая изоляция. Активизировалась вооруженная борьба антиправительственного Сомалийского национального движения (СНД), часть баз которого находилась на территории Эфиопии. Между тем сомалийскому руководству становилось все яснее, что оно всего лишь инструмент недружественного отношения Запада к Эфиопии. Это и определило шаг Сомали навстречу предложению Эфиопии урегулировать конфликт мирным путем.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Кровоточащей раной назвал Афганистан М. С. Горбачев. Развязать все туже стягивавшийся афганский узел можно было, только руководствуясь новым подходом к афганской проблеме, новым политическим мышлением. Важным шагом в этом направлении стал курс афганского правительства на национальное примирение, за которым последовала договоренность Москвы и Кабула о выводе советских войск из Афганистана. Эта акция вдохнула жизнь в непрямые афгано-пакистанские переговоры. При посредничестве личного представителя генерального секретаря ООН на переговорах в Женеве Афганистан и Пакистан договорились о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о добровольном возвращении на родину афганских беженцев. СССР и США подписали Декларацию о международных гарантиях. Конечно, сами женевские соглашения еще не развязывают сложный афганский узел, а невыполнение США и Пакистаном принятых обязательств ставят под угрозу процесс мирного урегулирования афганского конфликта.

на стр. 9 ▶

В НОМЕРЕ:

Ровесник 1/89

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

Сдано в набор 04.11.88. Подписано в печ. 09.12.88. А13619. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 2 400 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 265.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

БЕДА АРМЕНИИ –

Фото С. ЧИРИКОВА и В. СВАРЦЕВИЧА

На снимках: Спитак. Английские и французские горноспасатели в Ленинакане.

БОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На снимках: Ленинакан. Хирурги из Воронежа в Спитаке.

Аллан НАЙРН,
американский журналист

Двадцать лет спустя в Рамаллахе — по-прежнему оккупационные войска Израиля. Но, пройдя по улицам этого торгового городка на холмах, замечаешь, что хватка железного кулака оккупации уже не та.

«Требуют нашего внимания»,— израильский полковник говорит по рации, бронетранспортер, воя сиреной, тормозит за его спиной. Солдаты с автоматами и деревянными дубинками по крику полковника бегут к машине, на ходу надевая шлемы. Поднимается вертолет и берет направление на лагерь палестинских беженцев.

— Что случилось?

— Ничего,— говорит полковник.— Шабиба, мальчишки. Опять жгут резиновые покрышки.

Спокойный день в Рамаллахе

Несколько минут спустя в 500 метрах ниже по склону холма взвод солдат штурмует двухэтажный жилой дом. Женщина кричит на солдат с балкона, солдаты выламывают ворота, валят металлический забор, волокут по ступеням 50-летнего мужчину, мужа этой женщины, к стоящей у ворот машине. На дороге дымятся резиновые покрышки, в солдат летят камни, их бросают четыре мальчишки, им от семи до десяти лет. Солдаты опускают забрала шлемов, группа женщин в платках бежит к месту действия, крича на солдат, солдаты стреляют в мальчишек слезоточивым газом, мальчишки разбегаются.

Полковник характеризует этот день как «спокойный, обычный». В этот день в Рамаллахе арестовано двадцать палестинцев. Военный вертолет сел во дворе школы, и солдаты разогнали демонстрацию. Близлежащую деревню Силвад вертолеты обстреляли бомбами со слезоточивым газом, в другой деревне Куфр-Нимех подожжен израильский автобус, солдаты вламывались в дома и избивали жителей, в исламский госпиталь поступило пять человек с тяжелыми переломами.

Командиры приказывают солдатам входить в дома и избивать тех, кто живет в районе волнений, «если не наказаны провинившиеся дети, должны быть наказаны их родители, мухтары (старики) тоже подлежат наказанию».

Эту тактику одобряют политические руководители Израиля. «Первая задача сил безопасности,— говорил министр обороны Рабин,— применять силу, избивать, чтобы предотвратить демонстрации и насилие». «Израиль должен вселить смертельный страх в палестинцев»,— говорил премьер-министр Шамир[1].

Прежде эта тактика срабатывала, но сегодня лишь подливает масло в огонь. Одно дело наказывать людей, которые не верят в свою победу, совсем другое — тех, кто переступил страх и поверил в себя.

«И израильтянам тут не сладко,— говорит мне палестинец.— Разве это жизнь? Сколько еще они смогут выдержать такую жизнь? Сколько? Они устали от такой жизни».

Полковник говорит: все спокойно. Но тут появляется военный патруль, солдаты тащат за шиворот мальчишку, избивая его деревянными дубинками. Три хорошо одетые женщины бегут следом, крича на солдат. Солдаты волокут мальчишку к джипу, но женщины преграждают дорогу. Солдаты отпихивают их, кричат, одна из женщин хватает солдата за грудки, тот сбивает ее с ног, женщины кричат еще громче, бросаются с кулаками на солдат, те избивают их дубинками. Вся площадь приходит в движение, бегут солдаты, женщины, мужчины, воет сирена, в джип летят огурцы. Солдаты отпихивают женщин, бьют прикладами школьниц, полковник — в центре толпы, руки расставлены, он пытается с достоинством пройти сквозь весь этот хаос. Солдаты стреляют слезоточивым газом в группу мужчин, собравшихся на стоянке такси. Мальчишку, ставшего причиной беспорядка, втащили на автостоянку, бросили на автомобиль и избивают, взрываются еще бомбы со слезоточивым газом, мальчишку кидают в джип.

Солдаты бегают по площади, девчонка в белой блузке и джинсах бежит через площадь, сворачивает на Выставочную улицу, ее преследует рыжеволосый капитан, который час назад непринужденно беседовал с репортерами и позировал перед камерой. Он хватает девчонку за плечи, сбивает с ног и тащит к ближайшему магазину. Магазин закрыт, капитан и подбежавшие солдаты срывают замок, поднимают металлические жалюзи, видно витрину с дорогими мужскими костюмами — капитан медлит секунду, потом ботинком разбивает стеклянную дверь.

В одном из домов на матрасе на полу лежит вся в бинтах Хадия Хассан Абу Шариф. Три дня назад ей прострелили руку и колено, когда она пыталась вырвать у солдат своего сына. «Покрышки горели напротив нашего дома,— рассказывает она,— и солдаты решили, что их подожгли мои дети. Они хотели арестовать любого, кто им попадется». Никого из детей не было дома, кроме пятилетнего мальчика.

«Они взяли ее пятилетнего сына и повели его к школе,— говорит переводчица.— Когда она попыталась отнять сына у солдат, они выстрелили ей в руку и ногу. Она закричала, сбежались люди, и солдаты стали стрелять в толпу. Мухтар на своей машине повез ее в госпиталь. Солдаты плевали в нее — эта женщина подняла руку, расставив два пальца знаком победы».

Сокращенный перевод с английского
В. СИМОНОВА

[1] *Материал написан до прошедших в Израиле в конце 1988 года выборов.*

НЕДОВОЛЬНАЯ МОЛОДЕЖЬ

С. Норткот ПАРКИНСОН

Во многих отношениях ставка на молодежь — тенденция благоприятная. Нередко люди средних лет, оглядываясь на свою молодость, видят годы потерь и разочарований. Многие из нас помнят стариков, которые нипочем не хотели уходить на пенсию, помнят годы иссушающей и отупляющей службы, помнят чувство досады, когда пришло долгожданное повышение — оно пришло слишком поздно. Мы не раз видели, как на ответственные посты сажали людей без всякого опыта работы и при этом пожилых, людей, которые первые годы своей карьеры перекладывали бумаги из папки в папку, на среднем этапе вели протоколы на заседаниях комитета, в период ранней зрелости занимались ответами на чепуховую корреспонденцию и вот, как следует состарившись, получили ответственную работу, которая им совершенно не по зубам. Мы не раз наблюдали эту тенденцию и в политике, когда государственные деятели многих стран захламляют собой политическую арену, едва волоча ноги под бременем собственной ветхости.

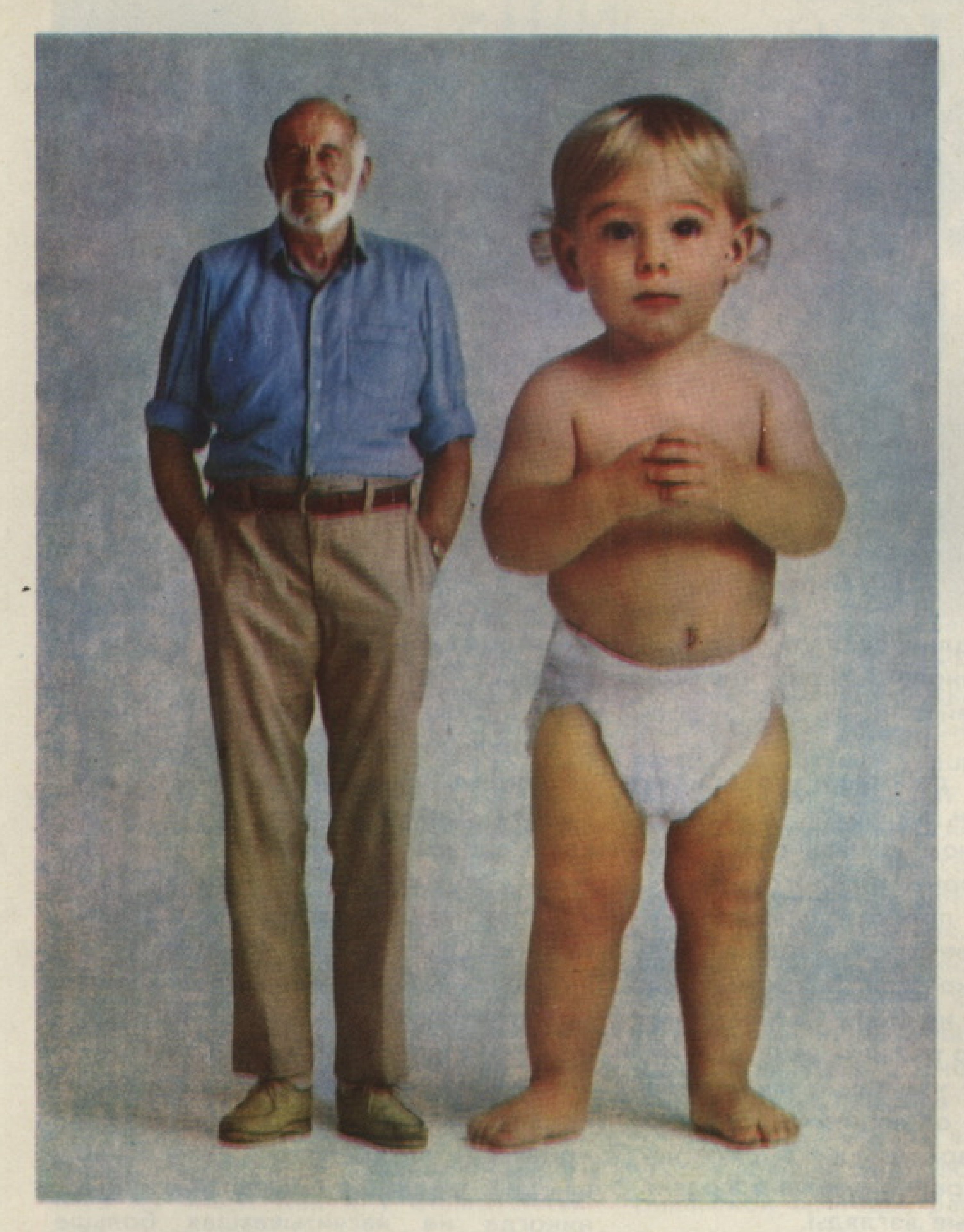
Между тем в прежние времена были совсем другие герои; кто-то в девятнадцать или двадцать лет стоял на капитанском мостике военного корабля, кто-то поднимал в бой полк; один в двадцать четыре года даже стал премьер-министром. Эти примеры вдохновляют, но следует иметь в виду: мужчины этой категории расставались со школой гораздо раньше, чем это принято, а женились, как правило (если женились вообще), гораздо позже. За плечами тридцатидвухлетнего генерала мог быть десятилетний опыт командования войсками. Любому ясно, что он предпочтительнее генерала, которому пятьдесят пять и который вообще не нажил никакого полезного опыта! Молодежь у руля — тут плюсов более чем достаточно! Увы, этот идеал труднодостижим, ибо безумное количество времени уходит на учебу. Формула «сплав молодости и опыта» подразумевает раннее начало, но начать рано удается далеко не многим, и долгие годы, ушедшие на обучение, зачастую оказываются решающим недостатком. Сегодня на земле живут молодые люди, которые сумели сколотить миллион, не отпраздновав и двадцать пятый год своего рождения. Такого успеха добивались, как правило, те, кто расстался со школой в пятнадцать лет, расстался без почестей и без сожаления. Надо заметить, что многие другие, выбравшие схожий путь, в конечном счете оказались в тюрьме. Но факт остается фактом — миллионер, сделавший себя сам (в отличие от хорошо оплачиваемого руководителя), обычно делает свои первые шаги в трущобах.

Возьмем вымышленного молодого бизнесмена А, его назначили на ответственную должность в двадцать восемь лет. Предположим, в двадцать три он женился, в двадцать четыре успешно окончил школу бизнеса и вскоре стал работать в компании. С первых дней он считался многообещающим, его быстро пропустили по всем смежным отделам организации и чуть позже благословили на должность помощника управляющего. Сейчас, в двадцать восемь лет (отец троих детей), он возглавил коммерческий отдел компании. Если он хорошо себя зарекомендует, его, вероятнее всего, назначат директором нового завода компании в Ранкорне. В коммерческом отделе ему помогают Б (51 год), В (43 года) и Г (37 лет), на его место они «не потянули». А оказывается перед насущной проблемой: сделать из Б, В и Г своих союзников, добиться того, чтобы кривая продаж поползла вверх, тем самым доказать правильность своего назначения на этот пост и подготовить себе почву для дальнейшего повышения. А должен как-то убедить своих дольше поживших коллег, что в деле он разбирается лучше их. Но еще важнее другое — прежде он должен убедить в этом себя. Самое опасное, когда под ногами у тебя — зыбкая почва. Почувствуй он, что подчиненные компетентнее его, это обязательно проявится. Варианта у него два. Либо он идет на всевозможные уступки и раздает всевозможные обещания, стремясь завоевать популярность, либо пытается утвердить себя актами мелкой тирании. Другие симптомы нестабильности регулярно появляются на доске объявлений — отпечатанные на машинке предупреждения, которые следует давать устно (а то и вовсе не следует), никому не нужные директивы. А чувствует себя достаточно надежно, когда его волнует судьба компании, а не только собственная судьба. Если он печется об интересах держателей акций, клиентов и сотрудников компании, он поставит цели, достижение которых будет выгодным и для Б, В и Г. Если его заботят лишь собственные честолюбивые замыслы, на подчиненных можно не рассчитывать — у них просто нет причин ставить его интересы выше своих собственных. Призывать надо к чему-то такому, что выше их всех; к какой-то цели, в свете достижения которой личная враждебность отходит на второй план.

Если отбор проводился тщательно — а это весьма важно,— большинство из занявших ответственный пост до тридцати пяти лет должны оправдать высокое доверие. Но эта политика, как и любая другая, наряду с достоинствами имеет свои недостатки. Если станет известно, что политика компании — повышать мужчин только в возрасте тридцати — тридцати пяти лет, все мужчины старше тридцати семи поймут, что их время прошло, что в этой компании им больше ничего «не светит». Представляете себе их моральное состояние? Может, они и останутся на работе, но потеряют к ней всякий интерес. Другие ожесточатся и сделают ожесточенность своей позицией.

Мужчин этой категории подстерегает и другая беда: разочарованная жена может сыграть роковую роль в судьбе мужа. Жена Б вовсе не захочет выказывать почтение жене А — та ведь не только моложе, но и симпатичнее. Жена несчастного В тоже будет проявлять норов, но самой неудовлетворенной из трех окажется жена Г. Ведь Г, как мы помним, только-только пересек рубеж, за которым на работнике ставят крест. В самом деле, какая разница — тридцать пять тебе или тридцать семь, особенно если ты родился в конце года? И пусть предпочтение отдается молодым, но некоторые высокие посты стоит резервировать для людей и постарше. Конечно, многие так до конца и останутся разочарованными, но они должны жить с мыслью, что шанс у них все-таки есть. В качестве награды за многолетнюю службу хорош пост директора по административно-хозяйственной части. Это не дорогая цена за то, чтобы сотрудники предпенсионного возраста сохранили преданность фирме.

Следует помнить и вот что: мужчины, выдвинутые на ответственные должности в тридцать — тридцать пять лет, могут проработать в компании еще столько же. Если дан-

ная отрасль промышленности будет быстро расти и развиваться, с годами они получат новые назначения. А если дела пойдут на убыль? Тогда на всех ответственных постах в компании окопаются (примерно) сорока-сорокапятилетние. Для следующего поколения получить серьезную должность надежды практически никакой. Через десять лет выясняется, что бразды правления держит все та же группа когда-то «недовольной молодежи», за это время в компанию не пришел ни один человек, каких принято именовать «избранниками судьбы». Еще десять лет — и руководство компании дружными рядами подходит к пенсионному возрасту. В течение следующих пяти лет они мирно выходят на пенсию, и заменить их попросту некем. Картина эта, разумеется, слегка шаржирована, правление наверняка предпримет какие-то шаги, чтобы избежать подобного кризиса. Но риск, связанный с лозунгом «дорогу молодым», совершенно очевиден. Он может перекрыть все пути к повышению для следующего поколения. Когда «первая смена» порядком состарится, возникнет застойный период, а потом разразится кризис — всех бу́дто ветром выдует.

Лучший целитель для молодежи — время, и толковая молодежь за несколько лет наберется опыта и станет более осмотрительной. Кстати, в период спада первым делом требуются именно опыт и осмотрительность. Надо предвидеть и другую опасность. Дело в том, что тридцатилетние, которых мы продвигаем по службе, часто очень похожи друг на друга. Они начали с технической подготовки, призванной компенсировать отсутствие опыта. Все они говорят на языке компьютера, и их жизни запрограммированы по одному образцу. Все они выпускники школы бизнеса, но этого мало — часто они закончили одну и ту же школу бизнеса; они занимались экономикой, кибернетикой и автоматикой у одних и тех же профессоров. Поначалу в этом есть свое преимущество, потому что они хорошо понимают друг друга. Но в конечном счете это большое неудобство, ибо все они настроены на одну волну. И однажды окажется, что все члены правления директоров мыслят одними стереотипами. Вместо того чтобы рассматривать текущие проблемы под разными углами (с финансовой, технической, коммерческой, политической, социологической и юридической точек зрения), они будут воспринимать их в одном свете. В памяти каждого из них будут прокручиваться одни и те же лекции, слышанные ими в одной и той же аудитории, зачеты и экзамены, успешно сданные в одно и то же время. Разумеется, и здесь есть свое преувеличение, но в некоторых компаниях руководители мыслят одинаково — это непреложный факт. И то, что удобно на первом этапе, может сурово покарать компанию потом.

В наши дни мы часто говорим о предметах, которые полагается изучать в школе, колледже или на специальных курсах подготовки бизнесменов. Но дело не столько в самих предметах — мы должны осознать собственное невежество, жадно стремиться к новому, развивать в себе умение постигать и привычку мыслить. Образование — это не суть нечто застывшее, оно должно стимулировать человека на дальнейшее изучение различных проблем. Когда у людей есть побочные интересы, когда они жаждут узнать как можно больше за пределами своей области, диапазон их мироощущения становится шире, они не смотрят все в одну сторону. В итоге возникает многообразие мнений и точек зрения, а это очень ценно, если заложен хороший фундамент. Люди исключительных способностей обычно хорошо ориентируются не только в своей узкой специальности, но и во многих других сферах человеческой деятельности.

Итак, тут есть над чем подумать: так ли уж хорошо раннее выдвижение на руководящие посты, все ли начинания от этого выигрывают? В каком-то новом деле, где площадка только застраивается, может, и разумно делать ставку на молодых. Но возводить эту политику в ранг общего правила нельзя — ее просто не воплотишь в жизнь, да и не мудро это. Пройдут годы, и машина на полном ходу забуксует.

Перевел с английского М. ЗАГОТ

со стр. 9 ▶

КАМПУЧИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА. Девять лет назад при поддержке частей вьетнамских добровольцев кампучийские патриоты свергли режим Пол Пота. Три контрреволюционные группировки — «красные кхмеры» Пол Пота; «свободные кхмеры», представляющие остатки армии прежнего диктатора Лон Нола, а также сторонники принца Сианука — объединились в борьбе против новой Кампучии. Вьетнамские войска вошли в страну, чтобы спасти кампучийский народ от геноцида, но едва республика окрепла, Вьетнам начал вывод своих войск. Форсированный вывод был невозможен, иначе кампучийский народ ожидало бы новое кровопролитие. К концу 1988 года из страны было выведено 50 тысяч вьетнамских солдат — половина всего контингента. К 1990 году вывод войск должен завершиться полностью.

Политика Кампучии на примирение привела к тому, что в 1988 году впервые за годы конфронтации представители кампучийского руководства и трех оппозиционных группировок встретились для мирных переговоров. Стороны договорились о создании Совета национального примирения, который подготовит всеобщие выборы под международным наблюдением, но с условием, что Пол Пот и его окружение будут исключены из этого процесса.

на стр. 14 ▶

НАЧАЛО ПУТИ К НАДЕЖДЕ

Том КАРСОН, американский журналист

„Как на гражданской войне в Испании», — Матт пытается перекричать рев мотора и грохот гальки под колесами. Солнце излучает такой ослепительно белый свет, что все остальные цвета просто меркнут. «Люди отправлялись на ту войну не из-за абстрактного «давай поможем бедняжке Испании». Они ехали потому...— Его голос подпрыгивает на каждом дорожном ухабе. К корпусу нашего пикапа, на уровне пояса, приварены специальные перила — так делается в большинстве никарагуанских автомобилей. Пассажиры едут стоя, крепко держась за них руками, и довольно скоро у человека вырабатывается навык к неподвижному положению корпуса и, наоборот, к как можно большей гибкости ног.— ...что принадлежали к левому международному движению. Движение их объединяло. Что я хочу сказать...— Грузовик идет по крутому откосу, и приходится кричать еще громче.—...их несколько, таких стран, куда можно отправиться во искупление своей собственной вины».

Матту около двадцати трех. Свое политическое образование начал прошлой весной во время демонстраций за права человека в Калифорнийском университете. Когда говорит серьезно, его лицо имеет комически удрученное выражение, смотреть на которое без улыбки почти невозможно.

Чувство вины, о котором говорит Матт, испытывают многие добровольцы. Они сыты по горло устоями того общества, где, просыпаясь по утрам, чувствуешь себя подонком. Им наскучила вся та паутина вторичных истин и рассуждений постконтркультуры, которая предоставляет возможность чувствовать себя такими приятно беспомощными перед лицом истории. Для многих североамериканцев, как и европейцев, приезд в Никарагуа обернулся началом длинного пути, который выводит из полного неверия и в свои силы, и в свои действия, и в добро вообще.

Бонни Келли работает в одной из клиник в Эстели, а ее муж, Джузеппе Слейтер,— врачом Эстелийского госпиталя. Он говорит: «Вы погружаетесь в свои личные проблемы, вы поднимаете руки: сдаетесь. Почти все наши знакомые только этим и занимаются. Но ведь это — не хочу называть несерьезным,— но так жить неинтересно, скучно. Потому что такие настроения в конце концов от политического пессимизма». Никарагуа для многих неожиданно и уверенно внесла поправки в первоначальные взгляды.

Никарагуа стала для них перекрестком дорог. Сотни разных желаний, тысячи побудительных мотивов пересеклись здесь, как в одной точке. Может быть, гораздо более опасная, чем соревнование сверхдержав, взаимная неприязнь имущих и неимущих наций вступила здесь в противоборство. Тут — возрождение веры в то, что революция не всегда и не неизбежно, как утверждают наши газеты, служит орудием в руках какой-либо сверхдержавы или является той или иной разновидностью деспотизма. И левое движение — как в США, так и в Европе,— скованное цинизмом и сомнениями «потерянного поколения», наконец получило возможность заявить о себе. «Видите ли,— говорит Эдит, техник-лаборант из Дании, работающая в Матагальпе,— здесь, в Никарагуа, наша борьба становится по-настоящему действенной. И нужна она не только самой Никарагуа, она нужна всему миру. Люди едут сюда для того, чтобы бороться. Вот и все».

Первые интернационалисты стали приезжать в Никарагуа сразу после победы Сандинистской революции в 1979 году. «Кофейные» бригады появились в 1983-м, после призыва правительства ко всем иностранным комитетам солидарности. Сразу вслед за ними стихийно возникли строительные отряды.

На первых порах помощь Никарагуа со стороны интернациональных бригад носила чисто символический характер. И если сравнить, сколько в среднем кофе собирает «бригадист» и никарагуанец, то и сегодня помощь эта такой и остается. Но сейчас, когда до двадцати процентов всей рабочей силы в стране унесла война, когда на полях редко можно увидеть мужчину от восемнадцати до тридцати пяти лет, не облаченного в военную форму, такая поддержка весьма ощутима. Особенно если производительность труда такая, как у шведов: шведская бригада, например, никогда не насчитывавшая больше десяти человек, уже возвела сорок домов!

Мы едем по дороге, покрытой грязью. Филипп из шведской бригады, кажется, излишне осторожен: он объезжает самые незначительные лужи. Но все остальные автомобили делают то же самое: в любой луже может быть спрятана мина. Наш шофер нажимает на тормоз — на дороге стоят люди, ведь в Никарагуа все путешествуют на попутках. Новые пассажиры забрасывают в кузов узлы, передают стоящим наверху детей, все располагаются среди мешков с цементом, которые Филипп везет на объект. Мы движемся дальше, и он рассказывает о том, как несколько лет назад его бригада работала на обстреливаемых участках. Однажды контрас пришли на только что возведенный объект и не оставили от тех домов камня на камне. Тогда он и его ребята вернулись и отстроили все заново.

То, чем занимаются здесь бригады, часто становится настоящей борьбой. Хотя сезон дождей уже миновал, на холме, где немцы разрыли землю для укладки водопроводных труб, грязь доходит до щиколоток. Три-четыре раза в день с неба обрушиваются потоки воды, и каждый такой ливень способен превратить дорогу в болото. Круг-

лый год никто не знает точно, прибудут ли обещанные материалы, а если прибудут, то когда и куда. Душит торговое эмбарго Рейгана — американским бригадам приходится покупать самое различное оборудование, какое только они могут привезти из Панамы, Мексики или даже Канады. А европейцы вынуждены собирать деньги для выплаты дополнительного налога на провоз. Поэтому все волнуются, смогут ли никарагуанцы получить необходимые детали и материалы для обеспечения работы на тех объектах, которые строят интернационалисты. Бригады стараются обойтись минимумом оборудования. Когда бригадир из Нью-Мексико узнал, что им дадут бетономешалку и не нужно будет месить раствор вручную, у него был такой вид, будто всем им подарили по лимузину.

Британцы все красные от солнца. Этой «кофейной» бригаде еще повезло: из тридцати человек в первую неделю заболело только четверо — у двоих было расстройство желудка, другие двое получили солнечный удар. Они все спят в старом имении — в холле постоянно сушится белье, на полу лежат спальные мешки, гитары, бутылки с водой, книги в бумажных обложках, а по ночам слышно, как бегают крысы. Больше всего люди жалуются на пищу. Как и у большинства сборщиков кофе, их рацион составляет то, что едят крестьяне — рис и бобы (или только рис, или только бобы, если в хозяйстве опять нехватка продуктов).

Многим из них пришлось туго, прежде чем каждый сумел достать 1200 фунтов, чтобы приехать сюда, ведь среди них и такие, кто жил на пособие по безработице. Они самоотверженно преодолевают трудности десятичасового рабочего дня, такого же, как и у никарагуанцев. На кофейных плантациях они играют в «20 вопросов» — среди шуршания рук, собирающих кофе, слышен хриплый от жары девичий голос, задающий вопрос, и тут же с другого края плантации кто-то кричит ответ.

Когда шведская бригада заканчивает строительство последнего объекта, Филипп собирает всех рабочих-никарагуанцев, которых они обучали,— здесь половина пожилых и потому непригодных для военной службы мужчин, другую половину составляют дети. Филипп беседует с ними о том, как теперь вести дела самим, без посторонней помощи. «Дети чудесны, понимаешь,— говорит он после собрания,— но с остальными труднее. И дело не в том, что они крестьяне и им никогда не приходилось самим распоряжаться своей жизнью. Они индейцы, фатализм у них в крови».

Иногда, сталкиваясь с никарагуанской культурой, сами интернационалисты оказываются не в состоянии понять ее и допускают ошибки. Работники одной стройбригады полагали, что освободили женщин от кухонь, расположенных вне жилья, установив в никарагуанских домах печи с вытяжными трубами, но женщины остались недовольны тем, что их лишили единственного места, где они были хозяйками и где не распоряжались их мужья.

Больше всего иностранцев удивляет, что никарагуанцы гораздо более жизнерадостны и жизнелюбивы, чем этого можно бы ожидать от народа, ведущего войну. У Филиппа загораются глаза, когда он говорит о них. «Это поразительная страна,— восклицает он,— у людей особый дар — они приспосабливаются к любым условиям. Обладая малым, народ вершит великие дела. Видишь столько энергии, такое стремление выжить — просто колоссально!»

Аллан Вердж из бригады Филиппа, очень трезвый человек, но даже в его словах слышишь восхищение: «Думаю, цинизм — это то, без чего сегодня не обойтись в любом обществе, в любой стране. Но здесь для нормальной жизни и работы цинизма требуется значительно меньше, чем в любом другом уголке земли». Энн, работница из американской бригады, рассказывает, как в свое время ее забавлял боевой вид друзей, возвращавшихся из Никарагуа. Теперь она шутит над тем, что называет «нашим пылом борьбы».

Когда она впервые прибыла сюда, отношение ее к сандинистам было весьма скептичным. А уже через несколько дней, вспоминает Энн, она, скорчившись, ехала в кузове пикапа, машину трясло, лил дождь, а на ней не было пончо, вдобавок она хворала, страшно болел желудок, и в те минуты задавала себе один и тот же вопрос: «Ну отчего же я так счастлива?»

Все, о чем говорят Вердж и Энн,— чистая правда, хотя многое кажется преувеличением, пока вы не увидите это своими глазами. Например, если никарагуанские дети и станут клянчить у вас что-нибудь, то только карандаш. Многое здесь действительно обладает романтическим налетом — не все романтичное обязательно глупо, особенно если это образ жизни целого народа.

После ужина, вечером, двое вооруженных крестьян, патрулировавших улицы, вошли в распахнутую дверь нашей бригадной кухни, опустили на пол свои автоматы и взяли в руки гитары, валявшиеся тут же. Матт с видом заправского пехотинца времен второй мировой войны на ломаном испанском пытался объясниться с несколькими никарагуанскими ребятишками, которые пришли послушать музыку. Среди детей была четырнадцатилетняя девчушка в платье из мешковины — она взяла в руки автомат одного из патрульных: теперь по правилам игры «патрульным» была она. Вошел шеф военизированной охраны и вместо того, чтобы распечь двух своих подчиненных, присоединился к поющим.

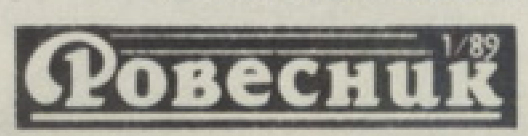
«Бригадисты» сидели на столах, одни болтали друг с другом, другие писали письма домой, устроившись под лампами, свисавшими с кровельных балок. Все было обыденно, завтра начинался тяжелый рабочий день. И только сторонний человек, войдя с улицы, мог бы воскликнуть: «Господи боже мой, показать вот такую сценку в кино — никто ж не поверит!»

Никарагуа по-своему платит интернационалистам — она дарит людям надежду. А это сейчас такой великий дефицит и в то же время вещь настолько необходимая, что иногда поражаешься, как ты мог столько лет подряд легко мириться с ее отсутствием. Если Никарагуа — всего лишь момент в истории, то как раз тот самый момент, в который твои усилия не пропадают даром. Такими моментами и жив наш мир. Рассуждая о «бригадистах» из США, Стив Керпен, плотник из Аляски, сказал фразу, которую от законченной сентиментальности спасала лишь заключенная в ней ирония: «Знаешь, если все будет идти так же, как идет сейчас, Никарагуа спасет Штаты».

В лавке в Матагальпе, среди множества романов в бумажных обложках, можно найти книги, оставшиеся от побывавших здесь добровольцев: справочник по холодильникам на английском языке, старый бюллетень «Национального географического общества» и пострадавший от непогоды экземпляр переведенного на французский романа «По ком звонит колокол». В последние дни моего пребывания в Никарагуа я все же купил его. Я сунул книжку в сумку и вновь взял ее в руки только двумя днями позже в Манагуа, когда слонялся в ожидании своего рейса.

Хемингуэй странно звучит по-французски, а мое знание языка оставляет желать лучшего. Меня что-то знобило, желудок был сильно расстроен, и то, что я ничего, кроме кофе и пепси, не ел и не пил, нисколько не помогало. И тут я обнаружил эту фразу (она потом три недели крутилась у меня в голове). Сначала фраза показалась мне несерьезной, но на память пришли английские слова, и они зазвучали как никогда прежде: «If we can win here, we can win everywhere» — «Если мы сможем победить здесь, мы сможем победить всюду».

Сокращенный перевод с английского
С. НИКОЛАЕВА

МНЕ НРАВИТСЯ

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
наш спец. корр.
Фото автора

Фестиваль, общий план: палатки и павильоны красные, желтые, сине-белые, в полоску. В них все время что-то происходит. Там показывают кино, тут идет дискуссия, дальше выступает группа мимов. Ветер разносит клочья музыки, нестройное гудение сотен голосов, выкрики репродукторов. Павильоны стоят на зеленом лугу. Вокруг них — стенды, оклеенные объявлениями, призывами, записками, плакатами, лозунгами всех левых направлений. Сотни людей ходят по дорожкам между шатров, едят с картонных тарелочек, листают книги в палатках-магазинчиках, глазеют на огромный воздушный шар и аплодируют чернокожей певице, хрипло поющей блюзы с маленькой эстрады в тени деревьев. Дальше, на противоположном конце луга — другая, высокая эстрада. Там играют рок-группы. Люди слушают музыку, сидя и лежа на траве. Толпа человек в триста колышется перед сценой в едином танце. Еще дальше — цирк-шапито, где советский гость фестиваля Амаяк Акопян три раза в день превращает горящую газету в две купюры по сто марок каждая. И в голубом, прояснившемся после дождя небе висит над самым темечком фестиваля оранжевый дракон — дельтаплан...

Кто организовал все это? Кто договорился с муниципалитетом города Херне, разбил шатры и палатки, пригласил рок-группы из нескольких стран Европы, обеспечил микрофоны для выступающих и привлек на фестиваль разные организации из разных земель ФРГ? Кто заказал в типографии десятки листовок и буклетов, организовал торговлю майками и жареным мясом, пластинками и игрушками, сделанными в тюрьмах Турции политзаключенными, кто привез на фестиваль дельтаплан и таинственный «биомотор», демонстрация которого (как гласит нарисованный фломастерами плакат) состоится завтра в 10.30 утра? Сколько сотен освобожденных работников, отделов, машинисток надо иметь, чтобы проводить такие яркие праздники?

Сотен и даже десятков освобожденных работников нет. Фестиваль организовала небольшая организация — Социалистическая немецкая рабочая молодежь (СНРМ).

В Дортмунде за день до начала фестиваля я с интересом брожу по штаб-квартире организации. Вряд ли тут разместится более полутора десятков человек. Серое, неброское здание с выходом в чистый заасфальтированный дворик. Длинный узкий коридор. Несколько комнат, заваленных рулонами бумаги, плакатами. Банки красок стоят в углу на полу. В пустом большом зале, предназначенном для практических работ (разложить транспаранты, установить скульптуру, над которой работает скульптор),— стол для пинг-понга, автоматы, продающие газировку, и ротапринт — непременная собственность всякой группы людей, затевающих дело, нуждающееся в общественной поддержке. «Организация фестиваля — дело рук активистов»,— говорит председатель союза Биргит Радо. Но сколько их, этих активистов? «Две — две с половиной тысячи»,— отвечает она, самой приблизительностью этой цифры говоря, что учет членов — не самое важное в таком деле. Как, действительно, считать? Кто-то пришел разок и помог погрузить контейнеры на грузовик. Кто-то позвал друга, он рисует хорошо. Друг нарисовал — и больше не появлялся. Не в учете дело. Дело в том духе свободы и интереса, который пронизывает все на фестивале...

В открытые в сетчатом заборе ворота валят и валят толпы народа. Все подъездные пути заставлены автобусами и автомобилями. В плотной, гудящей толпе выделяются бритоголовые, во все черное одетые скинхеды (они держатся командами человек по двадцать-тридцать), рокеры в высоких шнурованных ботинках, с обтекаемыми мотошлемами в руках, тощие длинноволосые хиппи-пацифисты в рубашках навыпуск, с повязками вокруг голов. То там, то тут мелькают панки с красно-зелеными, дыбом стоящими волосами и с сережками в ушах. Вся эта горластая, небрежно одетая, увешанная рюкзачками толпа куда-то стремится, облипает прилавки, набивается в павильоны, перекрикивается, хохочет, поедает сандвичи, пьет кока-колу, пиво, соки и растекается мелкими ручейками на дискуссии, представления, выступления. Кто — смотреть фокусы Амаяка Акопяна, кто — на фильм «Легко ли быть молодым» (после фильма — дискуссия). Кто — в экологический павильон, где прямо из мешка можно зачерпывать и есть сладкий порошок, приготовленный из растения «stevia rebaudiana» (в будущем, говорят хозяева павильона, этот порошок заменит сахар).

Нигде не видно ни одного полицейского. Лишь у дверей «Интернационального клуба» дежурят несколько парней с «уоки-токи» (переносными рациями) в руках. Но это не полиция, а активисты фестиваля. «Откуда у вас рации, ребята?» — спрашиваю я. «Купили в магазине»,— отвечают они, но сквозь вежливость ответа чувствуется удивление вопросом. Да еще за столиком кафе, под открытым небом, положив на столик огромную тускло-серую каску, чей задок выпирает, подобно носу утконоса, сидит женщина-пожарный в тяжелом брезентовом костюме. Что она тут сидит? Взгляд у нее недовольный, раздраженный. Это единственный представитель муниципалитета города Херне на фестивале. Наверное, наблюдает за соблюдением правил противопожарной безопасности. Видимо, никакой другой опасности, кроме опасности случайного пожара, власти в скоплении тысячных толп молодежи не видят. Так ли это? Я спрашиваю об этом у заместителя бургомистра Герда Пипера во время приема в ратуше. «Никаких особенных мер безопасности нет,— отвечает он, тоже слегка удивившись моему вопросу.— Единственная проблема для городских властей — прибывающий транспорт...» Но я знаю, что он, этот мягко говорящий господин в коричневом костюме, с карими глазами — член ХСС, а это значит, что весь круг идей фестиваля противоречит его убеждениям. Почему же он дозволил фестиваль в своем городе, почему не возражал против решения провести фестиваль именно здесь? «Мне, как хозяину, совершенно все равно, каковы убеждения гостей,— отвечает он, также мягко улыбаясь и поглядывая мне прямо в глаза своими ласковыми, карими.— Мне все равно, кто приедет на фестиваль — коммунисты, социалисты, христиане. Для меня, как представителя городских властей и человека, важно, чтобы наши гости могли открыто высказывать свои взгляды. И можно только приветствовать, когда идет диалог...» — «Но вас, как человека пожилого, не раздражает скопление панков, хиппи, скинхедов?» — «Меня радует, что у нас в городе проходит такой фестиваль. Мы, пожилые и молодые, должны учиться понимать друг друга. А это значит прежде всего — уважать друг друга.

ЭТОТ ХАОС

Диалог между людьми разных политических убеждений и социальных групп может принести только пользу...» Но мы отвлеклись. Вернемся на фестиваль.

В павильонах и палатках с утра до вечера идут дискуссии. Листок с надписью, сделанной от руки, приколотый кнопкой к стенду,— вот чаще всего и вся информация о дискуссии. Десятки таких листков треплет ветер и мочит дождь. Разброс тем так широк, что практически в три дня фестиваля обсуждению подвергается вся жизнь страны. Вот некоторые из подобных объявлений: «Дискуссия о мире и демократии» (в палатке прессы), «Коммунальные проблемы Мюнхена» (в зеленой палатке Баварии), «Политика автомобилизации делает наши города враждебными человеку: катастрофы, стрессы, шум, вонь, яды, убивающие природу, ограничение свободы передвижений, особенно для детей и старых людей» (в палатке «зеленых»), «Порнография — унижение человеческого достоинства женщины» (палатка феминисток). Как проходят все эти дискуссии? Приходит один из активистов фестиваля, рассаживает участников на простые деревянные скамьи где-нибудь в углу павильона. Если шумно, в мегафон кричит, чтобы не шумели, выключили музыку. Потом представляет всех собравшихся, задает вопрос-другой — и пожалуйста, общайтесь. Дискуссия проводится не для того, чтобы в итоге принять резолюцию или решение, а для того, чтобы люди обменялись мнениями, узнали что-то новое и интересное для себя. На некоторые из таких дискуссий приходит человек двадцать, а на некоторые два-три. Что делать, когда пришло два-три? Да ничего. Проводить дискуссию. Вообще отсутствие большого интереса к политическим мероприятиям устроители фестиваля переживают спокойно — все эти мероприятия затеяны для публики, и, значит, публика решает сама, куда идти и кого слушать: рок-группу «Рейнбердз», чей концерт назначен на полдень, или первого секретаря эстонского комсомола Арно Альмана, возглавляющего советскую делегацию. На рок-группу собираются сотни и тысячи, на дискуссию с первым секретарем — десятки. Политик, чтобы быть тут конкурентоспособным, должен уметь конкурировать с рок-группой. У дискуссий, проходящих в этих пестрых, табором раскинувшихся палатках и шатрах, свои простые законы. «Как вам понравилась дискуссия?» — спрашивает после одной из них кто-то из активистов фестиваля. «Понравилась,— отвечает Альман.— Но хотелось бы, чтобы было больше вопросов о жизни в СССР...» — «Конечно, конечно,— извиняется активист.— Но вы понимаете, они задают те вопросы, которые хотят, мы не имеем возможности регламентировать это...»

Погода неустойчивая. То выглядывает солнце, то идет дождь. Запах мокрой травы мешается с запахом жареного мяса. Политики и торговли тут, на фестивале, пополам. Крупные павильоны, такие, как кумачово-красное кафе «Гласность» и бело-зелено-синий клуб «зеленых», высятся в море мелких лавочек, палаток и магазинчиков, как крейсера среди джонок. Цены низкие. Еду готовят прямо на глазах клиента: вот молодой иранец широченным ножом срезает кусок мяса с бараньей ноги, насаженной на металлический штырь, ворошит седые угли в жаровне. В придачу к жирному, сытному куску мяса, поданному на картонной тарелке, он выдает (бесплатно) брошюру «Молодежь в государстве Хомейни», изданную живущими в ФРГ иранцами-эмигрантами. Путь к интернациональным чувствам человека лежит через его желудок — так можно было бы обозначить то, что происходит здесь, на «интернациональной аллее». Курды, турки, чилийцы — все пытаются привлечь внимание к своим проблемам, но прежде предлагают отведать что-нибудь вкусное.

Гремит самба, и веселый, грузный латиноамериканец в белой рубахе и с усиками на желтом лице кричит в маленький красный мегафон: «Бифштексы всего за две марки! Соус по-чилийски, бифштексы всего по две марки!» Тут же в толпе ходит молодой человек с пачкой газеты «Венсеремос» (издается во Франкфурте-на-Майне) на сгибе руки и предлагает номер всем желающим. И еще дальше — торговля пластинками (продается в том числе и «Красная волна» — диск с записями советских рок-групп), значками, наклейками, леденцами, пивом, дешевым греческим вином, национальными кушаньями, названия которых известны одним поварам. Они священнодействуют, повара, стоящие у жаровен, перед накрытыми белыми скатертями столами: льют из бутылок густой рыжий кетчуп, перекладывают сочные куски мяса с хлебом нежными листами салата, мешают рис тонкими деревянными палочками и сыплют в него красноватую пыль молотого перца. И вдруг, покрывая все запахи, наплывает будоражащий аромат раскаленного черного кофе...

Я подхожу к палатке. На столе стоит кофеварка, за ней — девушка в рубашке с закатанными до локтей рукавами. За ее спиной гогочут и балагурят три подсобных рабочих — парни лет двадцати. Их дело — таскать мешки с кофе, мыть кофейные чашечки. Сейчас работы нет, и они сидят, развалившись в брезентовых креслах. Накрапывает дождь. Мы поглядываем с девушкой друг на друга. «Тебя как зовут?» — спрашиваю я. «Марион». У нее узкие китайские глаза и смешливый рот. «А ваш кофе, Марион, он откуда?» Желтый

значок гостя фестиваля на моей рубашке без слов объясняет мое любопытство. «Из Никарагуа».— «Вы-то откуда его взяли?» — «Купили у фирмы, занимающейся оптовыми поставками кофе. Оптом дешевле. На каждой проданной чашке мы выигрываем немного».— «И что вы сделаете с деньгами, Марион?» — «Перешлем в Фонд помощи Никарагуа».

Дождь кончается. Иду дальше, в волнах музыки, во вспышках раздающегося отовсюду смеха. Через каждые пять шагов, от каждого павильона, стенда, палатки улыбающиеся активисты протягивают листовки. Большинство проходит мимо, не берет — привыкли. Я, которому эта разноголосица листовок в новинку, беру все подряд. Вот желтая — организация «Гражданский международный сервис» — предлагает каждому желающему отправиться (не когда-нибудь, а прямо в этом месяце) в любую из шести стран Восточной Европы (Польша, СССР, ГДР, Болгария, ЧССР, Венгрия), чтобы поработать три недели рука об руку с ровесниками из этих стран. Крупным шрифтом, жирно: «Мы ищем участников!» Вот розовый листок: организация СНРМ округа Марбург — Биденкопф (Гессен) проводит опрос с целью установить, насколько хорошо молодежь разбирается в сексуальных вопросах. Надо заполнить анкету и отдать в павильон организации. Вопросы: «Что такое социальная индикация?», «Что может предпринять девушка, если она забеременела? Где взять необходимую информацию?», «Что называется менструацией?» и «Что вы знаете о Кларе Цеткин, Розе Люксембург?» Еще дальше — молодой человек собирает подписи за освобождение всех политзаключенных и отмену смертной казни в Иране. Еще через шаг мне вручают белую листовку КОМИКВАНа — молодежного комитета Курдистана в ФРГ.

И вот уже целая разноцветная кипа собралась у меня... Шагаю дальше.

Фестиваль уже начался, а забор, огораживающий ангар, где за длинными столами обедают активисты и гости фестиваля, не докрашен. На корточках перед ним сидит паренек в красной панаме, красит, над ним плакат: «Кто хочет помочь?» Мимо него с мрачными

лицами проходит кучка парней и девиц из неизвестной мне молодежной группы или секты — в кожаных куртках, в бусах, в цветных, в обтяжку штанах. Смесь металлистов и хиппи. На спине у девицы написано: «Я хочу все!» Из ангара доносится мужское нестройное пение — активисты, пообедав, решили попеть... Хаос? Да, фестиваль подобен цветному, шумному хаосу. Центростремительные силы — активисты с «уоки-токи» — невелики и слабы. Организация часто оставляет желать лучшего. Дискуссии начинаются с опозданием. Назначенные встречи не всегда происходят. Вечером приходится долго ждать — нет попутной машины, идущей до общежития, которое находится в семидесяти километрах от Херне. Но никого из активистов эти накладки и помарки не смущают. У этих мальчишек и девчонок веселый вид неунывающих бойцов. Они знают, что привлечь людей на фестиваль — один из многих, проходящих в стране,— они смогут, только если придумают что-нибудь увлекательное, необычное. Они знают, что идеология и политика завоевывают людей не только и не столько правильными словами резолюций, сколько способностью организаций творить дела, полезные для людей, создавать праздники, где людям весело и интересно. Оттого их фестиваль так похож на карнавал. И оттого в хаосе фестиваля так сплавлены развлечения и политика, что одно не отделишь от другого, что одно перетекает в другое — может быть, незаметно для публики, но не без умысла со стороны активистов. И вот в ангаре, где у них столовая и кухня, они едят на обед густой гороховый суп и красные длинные сосиски и быстро убегают по делам — крутить кино, вести дискуссию, запускать очередной воздушный шар... С одним из них — здоровенным, по имени Винфрид — я еду в его белом «мерседесе» вечером в общежитие, домой. Он работает лаборантом в химической лаборатории концерна «Тиссен». Он этим летом не поехал в отпуск — предпочел работать на фестивале. За бензин ему платит СНРМ. И он, добровольный шофер, развозит гостей, мотается по делам фестиваля по широким аутобанам, огороженным высокими бетонными заборами (чтобы шум и выхлоп не растекались по округе): «Я сплю по четыре часа в сутки. Все ребята тоже. У нас на фестивале мероприятия бесплатные. Значит, мы должны работать как можно больше и лучше, чтобы расходы окупились...» Но это потом, вечером, по дороге домой.

А пока я выхожу на луг перед высокой эстрадой. «Рейнбердз» настраивают инструменты. Их рыжая вокалистка бормочет обычное «раз, два, три» — пробует микрофоны. Кое-кто лежит на надувных матрасах в спальных мешках — ночуют тут, еще не проснулись. Палатки на склоне. Смотрю на двоих — под только что выглянувшим и начавшим пригревать солнышком сидят на высоком ящике-контейнере парень и девушка с маленькой пятиконечной звездочкой, нарисованной на лбу, скрестили йогически ноги, то ли медитируют, то ли загорают. Хочу подойти, поговорить — отвечают строгими взглядами: «Не надо, не подходи, видишь, мы молчим, мы заняты!» Ладно, иду дальше. Мне нравится этот хаос. Музыки все нет, пауза. Через несколько шагов оборачиваюсь, смотрю на парочку — приникнув друг к другу, они целуются восхитительно долгим поцелуем.

ШКОЛА МОРЯ

Фабрицио ДОТТОРИ,
итальянский журналист

Учителя — трое рыбаков. Школа — рыболовецкое судно. Учебные дисциплины: анализ образцов воды, изучение рыб и других обитателей моря. Уже около трех тысяч ребят занимаются этим необычным предметом.

В школу на корабль вместе с рыбаками. А потом в лабораторию делать анализы морской воды. В своих бортовых журналах они записывают названия ракообразных и рыб, которых видели на пристани в порту города Червии. В эту необычную школу съезжаются дети со всех концов Италии. Они ученики начальных и средних школ. Пробудут здесь три дня и уедут влюбленными в море. А среди них есть и такие, кто никогда раньше его не видел.

Программа этих трех дней учебы во время каникул называется «Лазурные пути», организована обществом охраны природы «Червия — Амбьенте». Главный объект изучения — Адриатическое море. Сегодня это море можно сравнить с тяжело больным человеком. Уровень его загрязнения чрезвычайно высок.

Работа начинается еще во время учебного года в школьной аудитории. Классы, записавшиеся для участия в программе «Лазурные пути», получают учебный фильм, рассказывающий о море. На этом этапе учителям нужно ввести учеников в неизвестный мир. Настоящие занятия начинаются непосредственно на море. Каждому ученику выдается сумка со всем необходимым: компас, морская карта и бортовой журнал. В порту ученикам показывают рыболовецкие суда и рынок с дарами моря.

Учителя — бывшие рыбаки — знают множество морских историй, а главное — они рассказывают о замечательном мире моря, который постепенно исчезает. «Раньше здесь, прямо у берега, был рай. Рыбы сколько угодно. А теперь? Теперь все не так». Ребята интересуются, почему. Задают вопросы. Хотят узнать. И вот им объясняют: промышленный промысел рыбы, если он хищнический, опустошает море, тралы буквально выскабливают дно. «Тогда мы ходили под парусом. И только когда позволяла погода,— рассказывают учителя.— Мы давали рыбе естественную передышку, и она жила по своим ритмам».

Преподаватели негодуют, рассказывая о загрязнении моря, его масштабах и причинах. Предлагают способы спасения. На прилавках рынка — «зоология», там ее можно потрогать руками. «У ракообразных твердый панцирь, а у моллюсков его нет вообще... А вот рыбы...»

Все готовятся к выходу в море. Долгожданный день. На борту катера «Интрепидо» они будут следить за ловом рыбы с рыболовецкого судна, которое участвует в программе «Лазурных путей». С этого же катера они возьмут пробы воды. А если на море будет волнение, то путешествие превратится в увлекательное приключение. Возвратившись в порт, ребята увидят, как разгружается улов, как сортируется рыба: сардины, анчоусы, треска, омары, раки.

Пробы воды, взятые с катера, отправляются в маленькую лабораторию. В одной из комнат бывшего бакалейного магазина они измерят содержание кислорода в пробах, изучат графики, показывающие положение с загрязнением моря там, где они только что побывали. И так три дня игры, учебы и работы.

Перевела с итальянского В. СТАРОВОЙТОВА

со стр. 9 ▼

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА. После окончания второй мировой войны английские оккупационные войска покинули Палестину, и по решению ООН на этой территории образовались два независимых государства — арабское и израильское. Однако арабы, населявшие земли, выделенные для создания Израиля, воспротивились разделу, по которому израильтянам отходило более половины всей территории Палестины. Между израильтянами и арабами начались вооруженные столкновения. Тысячи арабов были согнаны со своих земель. Вооруженные силы соседних арабских стран попытались вернуть захваченные Израилем территории, так началась первая арабо-израильская война 1948—1949 годов. Далее войны следовали одна за другой. К 1967 году Израиль захватил 68 тысяч квадратных километров территории, причем не только в Палестине, но и в соседних арабских странах. ООН призвала Израиль вывести войска с оккупированных территорий в обмен на признание арабскими странами права Израиля на существование в безопасных и признанных границах. Теперь вопрос стоял не столько о выживании Израиля, сколько о возможности для палестинцев создать свое государство. Но Израиль отказался обсуждать вопрос

ЦЕННОСТЬ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ ДЕНЬГАМИ

Моник ДЮМОН, французская журналистка

За столом при свете лампы под абажуром из яркой шелковой ткани Жан с расстановкой повторяет свой урок: «Доб-рый ве-чер — Добрый вечер». Жану двадцать один год. Рядом с ним, положив локти на стол, сидит шестилетняя девочка и смотрит на него, не произнося ни слова. Она занимается в подготовительной группе и уже понимает, что подсказывать нельзя.

Мы с вами находимся в городе Эври, в доме учительницы Мари-Кристин. Жан — инвалид. Вот уже два года как он приходит в этот дом раз в неделю и в течение одного часа учится читать и писать. И Жан, и Мари-Кристин — оба члены «Ассоциации по развитию сети взаимного обмена информацией и коллективного творчества», или короче — «Сети».

Эта ассоциация существует пять лет. Сначала Комиссия по социальным вопросам и проблемам непрерывного образования подняла вопрос: как объединить живущих изолированно друг от друга людей и предоставить им возможность взаимно обмениваться своими знаниями и опытом? Практический ответ на него, основываясь на собственном опыте, дали Клер Эбер-Сюффен и ее муж Марк, изложив его в своей книге «Школьная система». Они живут недалеко от Эври, в городе Орли.

Свой эксперимент они проводили в течение семи лет — с 1969 по 1976 год: Клер, она учительница,— у себя в школе, а Марк — в «профилактическом» клубе, председателем которого он является. В сущности, «Сеть» — порождение не теории, а практической необходимости.

Опыт Орли был предложен жителям Эври: «Обменивайтесь своими знаниями и опытом». Эта простая по сути идея основана на следующем: независимо от возраста, социального происхождения и общественного положения каждый может чему-то научиться у другого и передать собственные знания. Продолжительность такого опыта, его стабильность и результаты способствовали тому, что желание участвовать в нем изъявили и государственные организации.

Урок Жана закончился. За обучение он ничего не платит. В обмен за это его учительница учится игре на фортепиано у другого члена ассоциации. В другом конце города инженер, дающий уроки математики подростку, в свою очередь, обучается столярному мастерству у опытного столяра. Никакой ложной благотворительности: каждый находит себе место в этой системе, играя в ней одновременно роль и учителя, и ученика. Однако следует иметь в виду, что такой принцип «взаимности» вовсе не означает, что кто-то за кого-то выполняет его «черную» работу. Происходит обмен опытом и знаниями, но не услугами. Естественно, никто здесь не будет бегать за вас по магазинам или вести ваше домашнее хозяйство за то, что вы кого-то обучаете играть на трубе!

«С этим у нас все согласны»,— подчеркивает Надин Курси, единственная освобожденная сотрудница ассоциации. В основном ее работа заключается в том, чтобы обходить в городе каждого члена «Сети», способствовать налаживанию контактов между людьми, то есть знакомить людей друг с другом, и проверять, на должном ли уровне проводится обмен соответствующим опытом и знаниями. Она хорошо знает всех членов ассоциации: изначально в ней было пятьдесят семей, но «Сеть» продолжает расти, более трети ее новых членов совсем недавно переехали в Эври, прослышав про «Сеть».

Занятия проходят на дому то у одного, то у другого члена ассоциации, благодаря чему вся система действует гибко. Случается, что в процессе обучения сразу участвуют много людей. Так, недавно целых пятнадцать человек изъявили желание заняться авторемонтным делом. Найти для них помещение было настоящей головоломкой. Хозяева жилых домов предлагали сдать внаем свободные комнаты. Пойти на это не представлялось возможным, потому что ассоциация не берет взносов со своих членов, а сами они считают, что ценность измеряется не деньгами! Нужно было искать какой-то выход. В результате проведенных поисков нашли одного владельца станции техобслуживания, который согласился предоставить помещение для занятий и посвятить членов группы в тайны автомобиля. А сам он, в свою очередь, выразил страстное желание заняться изучением английского языка.

Инфраструктура «Сети» проста: все, кто желает, могут связаться с Надин по телефону; издается мини-бюллетень, в котором распечатывается перечень предложений и потребностей. Основные рубрики — кухня, техническое творчество, промыслы, игры и иностранные языки. Приятное разнообразие! Одна энтузиастка, специалистка в области информатики, изучив богатые возможности своего домашнего компьютера, предлагает организовать просмотры программ по интересующим темам. Двенадцатилетний мальчуган, одаренный математик и прекрасный шахматист, желает совершенствовать свое правописание. Секретами своей профессии хочет поделиться с другими гладильщица. Какая-то семья дает уроки игры на аккордеоне и на ударных инструментах. Огромное количество желающих узнать рецепты сенегальской, вьетнамской, итальянской или арабской кухни. Столько же желающих поделиться с другими своими познаниями в области кулинарии. Но основная сложность, как подчеркивает Надин, заключается в следующем: каждый должен быть уверен в том, что он что-то знает. «Так я же ничего не знаю» — такова реакция тех, с кем нам приходится говорить по телефону. Люди не привыкли задумываться над тем, что́ они знают.

«Заячий парк» — так называется квартал Эври, где живут преимущественно иммигранты. В доме Джани, как обычно каждую неделю, собралось десять женщин-негритянок: здесь они изучают французский язык. Все они молоды, вместе с ними пришли их дети, у каждой их трое, а то и четверо. Для этих матерей учиться французскому языку — значит, впоследствии передавать свои знания другим. Занятия ведут две женщины — Мария-Луиза и Фатима, туниска. Три года назад Фатима была еще только ученицей, а теперь она уже сама помогает в учебе начинающим.

Эври разбит на далеко расположенные друг от друга жилые кварталы, соединяющиеся между собой лишь с помощью транспортных артерий, что затрудняет общение жителей между собой. А в «Сети», в местах, где происходит обмен знаниями, опытом и дружбой и где рушатся преграды, делавшие людей изолированными друг от друга, люди придумывают новые формы взаимного сближения.

Перевел с французского
Игорь ИВАНОВ

о создании палестинского государства.

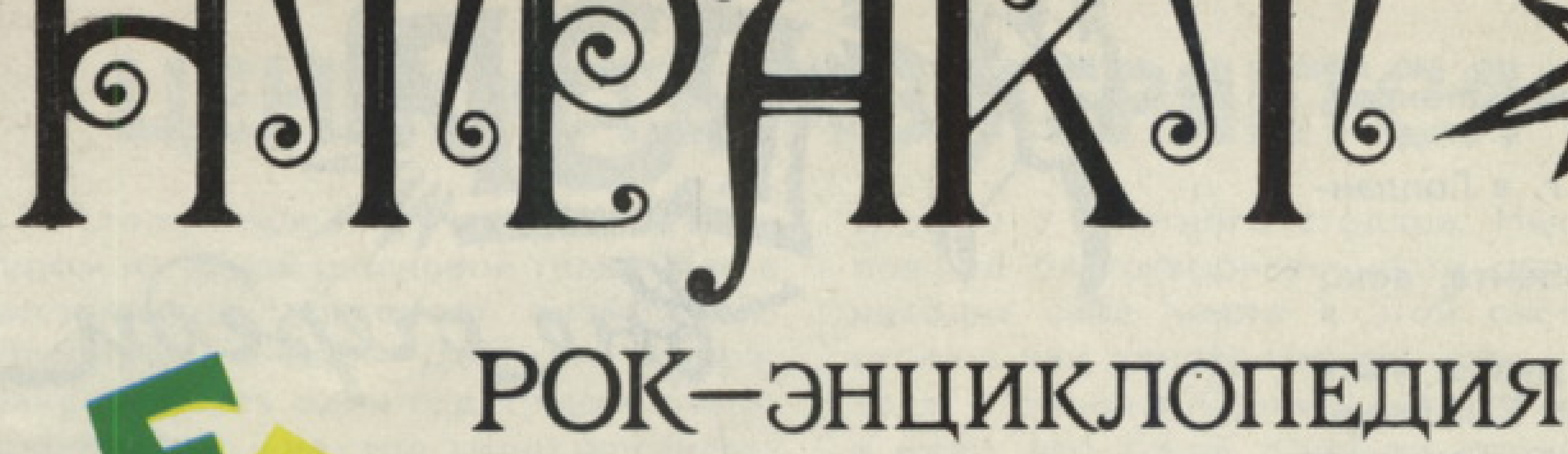
Сделав ставку на физическое истребление бойцов-палестинцев, летом 1982 года Израиль вторгся в Ливан, где находились основные базы Организации освобождения Палестины (ООП), спровоцировав резню в лагерях палестинских беженцев. Чтобы избежать новых массовых жертв среди палестинских беженцев, в обмен на их безопасность бойцы ООП согласились покинуть Ливан. Но палестинское сопротивление не было подавлено: в 1988 году на палестинской земле вспыхнуло народное восстание, или, как его называют журналисты, война камней, которую ведут сами палестинцы. В ноябре Национальный совет Палестины (НСП) провозгласил создание палестинского государства, которое уже признали многие страны. Создавшаяся ситуация заставила мировое сообщество, как никогда, серьезно заговорить о необходимости международной конференции по Ближнему Востоку с участием всех заинтересованных сторон, чтобы наконец решить палестинскую проблему. Причем признание суверенитета Израиля и согласие ООП на контроль ООН над палестинской территорией на определенный срок снимает главный аргумент Израиля об угрозе нападения со стороны палестинцев.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

Подсчитывать, сколько пластинок записал Род Стюарт,— дело почти безнадежное. Только сольных альбомов более двадцати; синглов, прорвавшихся в верхние строчки хит-парадов,— не меньше, а еще работа с Джеффом Бекком, записи в составе группы «Фэйсиз»... Правда, на некоторое время «мода на Рода» поутихла, но в 1988 году вспыхнула вновь: альбом «В беспорядке» понравился и слушателям, и критикам.

Короче, у Рода Стюарта есть все основания быть довольным своей карьерой. Однако сам певец неоднократно заявлял, что гордится он по-настоящему, во-первых, принадлежностью к старинному шотландскому клану (хотя родился в Лондоне) — и поэтому частенько выходит на сцену в кильте и берете традиционных для клана цветов; во-вторых, тем, что когда-то был профессиональным футболистом. По крайней мере он объясняет свое творческое долголетие (а Стюарт на сцене уже четверть века) хорошей спортивной подготовкой.

РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»

FLACK, ROBERTA. Роберта Флэк, амер. певица, пианистка, композитор. Род. (по данным амер. рок-энциклопедии) 10 февраля 1939 г. (по англ. рок-энциклопедии — 2 февраля 1937 г.).

Мать была органистом в церкви, отец выступал в джаз-оркестре, и в 9 лет Р. Ф. начала заниматься фортепиано. В 11 лет сдала экзамены в Вашингтонскую консерваторию, затем преподавала в муз. школах и начала пробовать себя как вокалистка.

В 1968 г. Р. Ф. привлекла внимание фирмы «Этлэнтик», и спустя год состоялся дебют певицы: альб. «Первая попытка» высоко оценили любители блюзовых баллад. Успех второй пл. совпал с удачными гастролями в Европе, и о Р. Ф. заговорили как о восходящей звезде блюза. Дальнейшая карьера подтвердила справедливость прогнозов, но всемирная слава пришла к Р. Ф., когда она стала исполнять тонко аранжированные композиции в стиле соул.

Значительное место в творчестве Р. Ф. занимает кинематограф: ее песни звучат в фильмах «Крестный отец», «Твори любовь», «25 декабря» и многих др. В последнее время в творчестве Р. Ф. ощущается влияние классической музыки, джаза.

Пл.: First Take, 1969; Chapter Two, 1970; Quiet Fire, 1971; Roberta Flack and Donny Hathaway, 1972 (с Донни Хатауэем); Killing Me Softly, 1973; Feel Like Makin' Love, 1975; Blue Lights in the Basement, 1977; Roberta Flack, 1978; Featuring Donny Hathaway, 1980 (с Донни Хатауэем); Live and More, 1981 (Live LP — с Пибо Брайсоном); The Best of Roberta Flack, 1981 (сборник); I'm the One, 1982; Greatest Hits, 1984 (сборник); Ups and Downs, 1987; Oasis, 1988.

«FLEETWOOD MAC» («Флитвуд Мэк»), группа образовалась в 1967 г. в Великобритании.

Исходный состав: Питер Грин, гит., вок.; Джон Маквай, бас; Мик Флитвуд, уд.; Джереми Спенсер, гит., вок.

Костяк «Ф. М.» выделился из гр. Джона Майалла, и дебют состоялся в августе 1967 г. на поп-фестивале в Виндзоре. Успех был мгновенным и безоговорочным: великолепные блюзовые импровизации музыкантов сделали группу знаменитостью в США еще до выхода первой пл. Долгое время постоянными членами «Ф. М.» остаются вок. и пиан. Кристина Маквай (в девичестве Перфект) — она играет в гр. с 1970 г., Стиви Никс, вторая вок., и гит. Линдсей Бакингем, который лишь в позапрошлом году начал сольную карьеру. На протяжении своей более чем 20-летней карьеры «Ф. М.» всегда следовали традициям блюза, хотя в 80-е гг. музыка гр. несколько изменилась, в ней появились элементы эстрадности, а непрерывная чехарда состава заметно повлияла на коммерческий успех. И все же «Ф. М.» остается одной из самых популярных в мире групп, играющих ориентированную на блюз музыку.

Пл.: Fleetwood Mac, 1968; Mr. Wonderful, 1968; English Rose, 1969; Pious Bird of Good Omen, 1969; Then Play on, 1969; Blues Jam at Chess, 1969 (Live LP; в США пл. вышла под названием Fleetwood Mac in Chicago); Kiln House, 1970; The Original Fleetwood Mac, 1971 (сборник); Before the Split, 1971; Black Magic Woman, 1971 (2LP — сборник); Future Games, 1971; Greatest Hits, 1971 (сборник); Bare Trees, 1972; Penguin, 1973; Mystery to Me, 1973; Heroes Are Hard to Find, 1974; Fleetwood Mac, 1975; Vintage Years, 1975 (сборник); Albatross, 1977 (сборник); Rumours, 1977; Man of the World, 1978 (сборник); Best of Fleetwood Mac, 1978 (сборник); Tusk, 1979 (2LP); Fleetwood Mac Live, 1980 (2LP— Live); Mirage, 1982; History of Vintage Years, 1984 (сборник); Cerulean, 1985 (2LP — Live; подборка с концертов 1969 г.); Tango in the Night, 1987; Everywhere, 1988 (EP); Greatest Hits, 1989 (сборник).

Мик Флитвуд соло: The Visitor, 1981; I'm Not Me, 1983.

Питер Грин соло: The End of the Game, 1970; In the Skies, 1979; Little Dreamer, 1980; Whatcha Gonna Do?, 1981; Blue Guitar, 1981; Kolors, 1983; Storm Road, 1985.

Джереми Спенсер соло: Jeremy Spencer, 1970; Jeremy Spencer and the Children of God, 1972; Flee, 1979.

Линдсей Бакингем соло: Buckingham—Nicks, 1973 (со Стиви Никс); Law and Order, 1981; Go Insane, 1984.

Стиви Никс соло: Bella Donna, 1981; The Wild Heart, 1983; Rock a Little, 1985.

Кристина Маквай соло: Christine Perfect, 1970; The Legendary Christine Perfect Album, 1970; Albatross, 1977; Christine McVie, 1984.

Дэнни Керуан соло: Danny Kirwan, 1971; Second Chapter, 1975; Midnight in San Juan, 1976; Hello There Big Boy, 1979.

Изменения состава: 1968+Дэнни Керуан, гит., вок.; 1970 — Грин,— Спенсер,+Кристина Маквай, клав., вок.; 1971+Боб Уэлч, гит., вок.; 1972 — Керуан,+Боб Уэстон, гит.,+Дэйв Уокер, гит.; 1973 — Уокер,—Уэстон; 1974 — Уэлч,+Линдсей Бакингем, гит., вок.,+Стиви Никс, вок.; 1983 — группа распалась; 1986 — группа реорганизовалась в следующем составе: Флитвуд, Никс, Дж. Маквай, К. Маквай, Бакингем; 1987 — Бакингем,+Билли Бернетт, гит., вок.,+Рик Вито, гит., вок.

«FLOTSAM AND JETSAM» («Флотсэм энд джетсэм») — группа «Обломки кораблекрушения» образовалась в 1982 г. в США.

Исходный состав: Джесон Ньюстед, бас; Келли Дэвид-Смит, уд.; Эдвард Карлсон, гит.; Эрик Эй Кей, вок.

В начале карьеры музыканты взяли за образец группу «Куайет райет», которая, в свою очередь, копировала «Слейд». Однако уже к 1984 г. «Ф. дж.» играли агрессивный гитарный рок, получивший название «пауэр спид-метал», то есть динамичный скоростной «металл». Это понравилось лидерам трэш-метал, и «Ф. дж.» стали «подогревателями» концертов «Иксайтер», «Мегадет» и «Металлики».

В 1985 г. композиции «Ф. дж.» начали включать во всевозможные «металлические» сборники. Появление в группе второго гитариста усилило и без того мощные риффы «Ф. дж.», и фирма грамзаписи «Метал блейд» решила, что гр. созрела для записи «большой» пл.: альб. «Судный день для обманщика» появился в начале 1986 г., но успех его был весьма скромным.

До последнего времени специалисты считали, что единственное достижение «Ф. дж.» — бас-гитарист Джесон Ньюстед, чья великолепная техника соблазнила саму «Металлику», и Ньюстед заменил погибшего в автокатастрофе Клиффа Бертона. Однако и после его ухода «Ф. дж.» не сбавляли оборотов: они пригласили бас-гитариста из гр. «Сентинел бист» (позже его сменил другой музыкант), заключили контракт с фирмой «Электра» и в 1988 году выпустили альб. «Не допусти бесчестья», собравший рекордное число восторженных рецензий (в Европе пл. выпущена «контрабандно»).

Пл.: Doomsday for the Deceiver, 1986; No Place for Disgrace, 1988.

«Пиратские» пл.: Flotzilla, 1985 (EP); Flots Till Death, 1986 (Live LP).

Изменения состава: 1985+Майкл Гилберт, гит.; 1986 —

Ньюстед,+Фил Ринд, бас; 1987 — Ринд,+Майк Спенсер, бас,— Спенсер,+Трой Грегори, бас.

«FOCUS». Гр. «Фокус» образовалась в 1969 г. в Голландии.

Исходный состав: Тийс Ван Леер, орган, флейта, вок.; Мартин Дресден, бас; Ханс Клеувер, уд.

Главной движущей силой европ. арт-рок группы «Ф.» были гитарист-виртуоз Ян Аккерман и флейтист Ван Леер: оба получили консерваторское образование, что наложило отпечаток на музыку группы. Первое выступление «Ф.» (еще в качестве трио) состоялось осенью 1969 г. на голландском фестивале поп-музыки, где «Ф.» исполнили пародию на бродвейский мюзикл «Волосы».

С приходом в 1970 г. Аккермана композиции усложнились, а блестящие гитарные импровизации и необычные органные и флейтовые «вставки» стали тем фундаментом, на котором «Ф.» возводили здание своей музыки; на ранней стадии при разработке своих концепций музыканты широко использовали народные фламандские мелодии.

Гастроли в США принесли мировую славу, и «Ф.» стал котироваться на уровне самых авторитетных групп, исполняющих «закрученный» арт-рок. Однако после ухода Аккермана в 1976 г. творчество «Ф.» приобрело более коммерческий характер, а систематические изменения состава привели к распаду гр. в 1979 г.

В 1985 г. Аккерман и Ван Леер сделали попытку объединиться и записали неплохой студийный альб., но тяга к сольному творчеству оказалась сильнее.

Пл.: In and out of Focus, 1971; Moving Waves, 1971; Focus Three, 1972; Live at Rainbow, 1973 (Live LP); Hamburger Concerto, 1974; Ship of Memories, 1974; Mother Focus, 1975; Dutch Masters, 1975 (сборник); Masters of Rock, 1975 (сборник); Focus, 1975 (сборник); Focus Con Proby, 1978 (с П. Дж. Проби); Focus — Jan Akkerman and Thijs Van Leer, 1985.

Ян Аккерман соло: Profile, 1972; Guitar for Sale, 1973; Tabernakel, 1974; Eli, 1977; Jan Akkerman, 1978; Aranjuez, 1978 (сборник); Jan Akkerman Live, 1979 (Live LP); Talent for Sale, 1979 (сборник); 3, 1979; A Phenomenon, 1979; Transparental, 1980; Best of Jan Akkerman, 1980 (сборник); All in the Family, 1981; Meditation, 1982; Globus Th., 1987.

Изменения состава: 1970+Ян Аккерман, гит., лютня; 1971 — Клеувер,— Дресден,+ Пьер Ван дер Линден, уд.+ Сирил Хаверманс, бас; 1972 — Хаверманс,+Берт Руитер, бас; 1973 — Ван дер Линден,+Колин Аллен, уд.; 1975 — Аллен; 1976+Ван дер Линден,— Аккерман,+Филип Катерин, гит.; 1977 — Ван дер Линден,+Стив Смит, уд.+Eеф Альберс, гит.

«FOGHAT» («Фохэт»), группа «Совершенно секретно» (от воен. жарг. «to keep fog under hat») образовалась в 1972 г. в Великобритании.

Исходный состав: Дэйв Певеретт, гит., клав., вок.; Роджер Эрл, уд.; Род Крайс, гит.; Тони Стивенс, бас.

Основал гр. Певеретт, вместе с Эрлом и Стивенсом выступавший с известной блюзовой гр. «Сэвой Браун». Основной упор «Ф.» сделали на концертную работу, и жесткие буги в блюзовой обработке принесли успех в США. «Ф.» осели в Америке, а несколько пластинок («Изгои рок-н-ролла», «Всеобщее посмешище» и «Ночная смена») приобрели «платиновый» статус.

К концу 70-х творческая активность «Ф.» несколько снизилась, что никак не отразилось на интенсивности концертных выступлений: так, в 1979 г. группа гастролировала 360 дней!

«Ф.» продолжают много выступать — в основном со старым репертуаром.

Пл.: Foghat, 1972; Foghat: Rock'n'Roll, 1973; Energized, 1974; Rock and Roll Outlaws, 1974; Fool for the City, 1975; Night Shift, 1977; Foghat: Live, 1977 (Live LP); Stone Blue, 1978; Boogie Motel, 1979; Tight Shoes, 1980; Girls to Chat and Boys to Bounce, 1981; In the Mood for Something Rude, 1982; Born to Gig Around, 1983; Boogie All Night Long, 1984 (сборник); Check It Now, 1986 (сборник).

Изменения состава: 1974 — Стивенс, +Ник Джеймсон, бас. клав.; 1975 — Джеймсон, +Крейг Макгрегор, бас; 1980 — Прайс, +Эрик Картрайт, гит.

Дорогие читатели! В этой новой рубрике мы будем рассказывать о тех группах и исполнителях, о которых мы либо уже писали, либо очередь до них в «РЭР» дойдет еще не скоро, либо по каким-то причинам они вообще в «РЭР» не попали, но именно эти группы и исполнители на данный момент, судя по вашим письмам, интересуют вас больше всего. Итак, первый «чемпион» читательских пристрастий — Удо Диркшнайдер.

Когда в 1986 году «Аксепт» (см. «РЭР» в №7/87) выпустил альбом «Русская рулетка», Удо Диркшнайдер пожаловался корреспонденту журнала «Металлион»: «После пластинки 1985 года «Металлическое сердце» мне показалось, что наши дела наконец-то поправляются, но этот диск получился настолько слабым, что я начал сомневаться в перспективности хэви метал-рока». Однако, судя по дальнейшей деятельности Удо, смущал его не сам стиль: просто Диркшнайдер «вырос» из музыкальных рамок «Аксепт», его уже не устраивали ставшие стандартными аранжировки, и скрепя сердце вокалист расстался со своими товарищами.

Осенью 1987 года Удо в содружестве с музыкантами западногерманских групп «Синнер» и «Уорлок» записал первую сольную пластинку «Бедлам», в которой тем не менее использовал музыкальный материал «Аксепт», но в собственной аранжировке. В отличие от работ многих других музыкантов, выходящих на «сольную тропу», пластинка получила большой резонанс.

Состав новой группы Диркшнайдера «У. Д. О.» меняется часто, нет гарантий, что сейчас в группе играют именно те музыканты, которых вы видите на фотографии: Дитер Рубах, бас; Томас Франке, ударные; Удо Диркшнайдер, вокал; Дон Дит, гитара; Энди Сусемиль, гитара.

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ОРУЖИЕ

Ролан ДОРЖЕЛЕ, французский писатель

Кто вам сказал, что Эрнест Хемингуэй родился 21 июля 1899 года? Неправда! В тот день на на свет появился младенец Эрнест Миллер, сын врача, жившего в большом доме в Ок-Парке. Настоящий же Хемингуэй родился спустя ровно десять лет: произошло это в деревенской хижине, затерявшейся среди бескрайних лесов на берегу озера Уолтон-Лейк.

В то знаменательное утро, в день его рождения, мать подарила мальчику виолончель, а отец — карабин. Не раздумывая, маленький Миллер вложил виолончель обратно в футляр и вооружился карабином, намереваясь тут же отправиться на охоту. Вот так совершенно неожиданно он выбрал свою дорогу в жизни, и ему, ставшему впоследствии странствующим рыцарем пера, суждено было пройти по ней, не выпуская оружия из рук. Его оружием стали охотничий винчестер, штык солдата ударных отрядов итальянской армии «ардито», шпага матадора, винтовка партизана и гарпун рыбака. А жизнь его превратилась в вечный бой; в нем находил он свое наслаждение, из него же черпал вдохновение для своих книг.

Он начал бороться, еще не став настоящим мужчиной. В пятнадцать лет ему, ученику интерната, стала невмоготу школьная дисциплина, экзамены нагоняли на него тоску. Свободным он чувствовал себя только тогда, когда вместе с отцом отправлялся в леса Иллинойса лечить местных индейцев на фермах. И вот однажды он сбежал из интерната. Учеба? С ней можно обождать: всему свое время... Кров, пропитание? Он найдет их где угодно, хотя бы работая на тех же фермах; потом, когда его мускулы окрепнут, он станет спарринг-партнером по боксу в одном из клубов Чикаго: там проводятся настоящие матчи — это годится.

Эрнесту Миллеру, будущему Хемингуэю, исполнилось шестнадцать лет, когда разразилась первая мировая война. Тогда ему казалось, что этот вооруженный конфликт ограничится только пределами Старого Света и не коснется его родины. И все же молодой забияка внимательно вслушивался в шум далеких боев; страсти в нем все накалялись, сдерживать их больше не было сил, и вскоре он оказался в Американском Красном Кресте. Но чего ради? Неужели ради того, чтобы вернуть долг европейцу Лафайету [1]? А может, он хотел внести свой личный вклад в дело борцов за свободу? «Не знаю. Есть вещи, которые нельзя объяснить»,— мог бы он ответить словами Фредерика Генри, героя своей будущей книги. В действительности туда его влекла неутолимая жажда приключений.

Так он попал в итальянскую армию, став шофером санитарной машины. Ему довелось побывать на передовой, проходившей по реке Изонцо, вытаскивать из-под обстрела раненых, но этого ему было мало, и, когда Соединенные Штаты вступили в войну, он потребовал, чтобы его определили в ряды «ардито», «отважных», знаменитых альпийских стрелков, вместе с которыми он потом сражался на реке Пьяве, куда после поражения под Капоретто отступили разгромленные части итальянской армии; в одном из ночных дозоров его тяжело ранило — на этом война для него закончилась. Домой он вернулся с доброй сотней мелких осколков, прочно засевших в его крепком теле, да с одной-единственной серебряной медалью. Но главным его багажом был план будущей большой книги.

«Прощай, оружие!» — один из самых замечательных, трагических и правдивых романов, посвященных той Великой войне. Его герои сражаются, страдают и умирают, как в жизни. Одни из них — люди отважные, другие — трусы, но все они реальные персонажи. Поэтому солдаты всех стран легко узнавали и узнают в них своих собратьев.

Узнают, хотя точного описания внешнего облика своих героев и их характеров Хемингуэй избегает: он просто заставляет их разговаривать, и этого оказывается вполне достаточно. Его роман — ни с чем не сравнимый диалог, который разливается по страницам книги, как кровь по телу.

Диалог немногословных героев. Да и зачем растягивать тирады, клеймя в них абсурдную сущность войн? Все и так ясно. «Вот отказались бы все атаковать, и война бы кончилась»,— ворчит шофер, один из персонажей романа. Другой его герой, полковой священник, в подавленном настроении заявляет: «А я ведь надеялся на что-то.—На поражение? — Нет. На что-то большее.—Ничего большего нет. Разве только победа. Но это... еще хуже». Так, фраза за фразой, ничего не добавляя от себя лично, автор передает нам свои суждения. Один только раз молодой лейтенант, ставший выразителем его мыслей, доводит до нас их суть:

«Но ничего священного я не видел,— говорит он по возвращении на фронт,— и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю».

Как и всякий солдат, Хемингуэй на войне сражался. Война — это серьезное испытание, в котором человек раскрывается полностью.

Спустя каких-нибудь двадцать лет, на охоте в Африке, он вспоминал этот поворот в своей жизни, когда, устроившись в тени под деревом, перечитывал «Севастопольские рассказы» Толстого: «Я задумался о Толстом и о том огромном преимуществе, которое дает писателю военный опыт. Война — одна из самых важных тем, и притом такая, когда труднее всего писать правду, и писатели, не видавшие войны, из зависти стараются убедить и себя, и других, что тема эта незначительная, или противоестественная, или нездоровая, тогда как на самом деле им просто не пришлось испытать того, чего ничем нельзя возместить».

Где бы оказался этот парень по фамилии Миллер, если бы не война? На улицах Чикаго, где ему пришлось бы скитаться в поисках работы; сомневаюсь, стал бы тогда он писателем. А пройдя через лишения и страдания, он таки нашел свое призвание.

Из всей этой бойни он вынес одну ценность — представление о благородном братстве, о суровой военной дружбе, о любви и о нежности, заглушенной рявканьем винтовочных выстрелов, утонувшей в потоке не совсем мягких слов.

На обдумывание своего будущего романа у Хемингуэя было достаточно времени. Прикованный к постели в Главном военном госпитале Милана, он, как и все раненые, предавался мечтам; именно там родился образ главного героя книги — молодого американца, лейтенанта итальянской армии Фредерика Генри. Желая, чтобы «вещи выглядели такими, какие они есть на самом деле»,— а этому автор придавал первостепенное значение — Хемингуэй отправил его на фронт, на берега Изонцо.

Когда объявили перемирие, сюжет книги уже был готов, однако написать ее Хемингуэй не мог: у него появились более важные заботы — нужно было как-то зарабатывать на жизнь, ведь тех пятидесяти долларов, что он получал в качестве пособия как бывший военнослужащий, ему явно не хватало. Конечно, в Соединенных Штатах он мог бы найти себе какое-нибудь дельце, но такой удачный поворот в судьбе его не устраивал. Ему были нужны риск, приключения. Поэтому сначала он в качестве журналиста отправился на Ближний Восток, где стал свидетелем бегства побежденной греческой армии из охваченной пожарами Смирны. Когда же эта война закончилась, написав о ней все, что было можно, он поехал в Париж, чтобы на сей раз вкусить радо-

[1] *Маркиз де Лафайет (1757—1834) — французский политический деятель. В 1777 году участвовал в войне американских колоний Великобритании за независимость. Получил звание генерала американской армии.— Прим. ред.*

сти ...ирной жизни. Не имея никакого общественного положения и ни единого су в кармане.

Да, Хемингуэй всегда будет помнить те многострадальные годы, что он провел на левом берегу Сены. Но не для того, чтобы потом сетовать на свою судьбу, а чтобы возблагодарить ее за те испытания, которые она ему готовила. Мансарда на Монпарнасе, кровать, стол, пишущая машинка — больше ему и не требовалось. «Мне нужно было только одно: работать. Я не особенно задумывался, как это все получится. Я уже больше не принимал всерьез свою собственную жизнь; жизнь других людей — да, но не свою. Другие стремились к тому, к чему я не стремился, но я все равно своего добьюсь, если буду работать. Работа — вот все, что было нужно, она всегда давала мне хорошее самочувствие, а жизнь — моя, черт возьми, жизнь в моих руках, и я буду жить, где и как вздумается...» Конечно, Хемингуэй любил Францию: «Небо есть и лучше здешнего, но лучшей страны нет нигде».

Нелегко было ему тогда. Денег не хватало — нередко приходилось и голодать. «Мы питались луком»,— признавался он позже. Скудное питание, однако, для такого колосса с волчьей хваткой. Но от этого он не чувствовал себя несчастным, потому что в Париже удовольствий для него было сколько угодно: и долгие прогулки под сенью деревьев в Люксембургском саду, и шумные сборища друзей, и матчи по боксу в цирке. Нет, время не способно стереть воспоминания. «Кажется, мне никогда не забыть тот запах свежих опилок»,— вспоминает он через тридцать лет.

Решив попытать свое счастье, Хемингуэй послал несколько своих рассказов в американские журналы, в которых печатался всякий вздор; там их не оценили и вернули обратно, что вызвало в нем раздражение и вместе с тем смех. Конечно, широкой читательской аудитории в то время ему недоставало, и свои первые вещи он читал в доме Гертруды Стайн, на улице Цветов, где собирались заезжие американские писатели; они-то и вселили в него надежду; кое-кто даже просил его поделиться своими военными воспоминаниями, часть которых потом легла в основу его первой книги «В наше время».

Этот сборник коротких рассказов в Америке прошел незамеченным, да и во Франции на него внимания никто не обратил. Его первую повесть «Вешние воды» постигла та же участь, но Хемингуэй не сдавался, продолжал работать, и вскоре была готова его следующая книга — «И восходит солнце». На сей раз он обратился к воспоминаниям о своей жизни в Париже. В Америке она имела определенный успех. Спустя год вышел его сборник из четырнадцати рассказов под названием «Мужчины без женщин». Хемингуэя вдруг назвали новатором, обогатившим жанр новеллы. Итак, время, когда его как писателя никто не хотел воспринимать серьезно, прошло, и он смог наконец приступить к осуществлению своей давней мечты — к работе над «Прощай, оружие!». Роман принес ему и славу, и деньги. Но ни слава, ни деньги не изменили Хемингуэя: он продолжал свой бой, ибо считал, что только риск определяет действительную цену жизни, а истинное достоинство человека раскрывается лишь перед лицом смертельной опасности.

«Я тогда учился писать,— признавался он позднее,— и начинал с самых простых вещей, а одно из самых простых и самых существенных явлений — насильственная смерть». Поэтому неудивительно, что Хемингуэя можно было видеть везде, где проливалась кровь. Но туда его влекли не какие-то нездоровые инстинкты, а желание понаблюдать за человеком, бросившим вызов судьбе. Так он оказался в Испании, где страстно увлекся корридой. «Войны кончились, и единственное место, где можно было видеть жизнь и смерть, то есть насильственную смерть, была арена боя быков...». Не удовольствовавшись безопасной ролью зрителя, Хемингуэй шагнул за барьер, решив испытать свою судьбу в качестве матадора. Впоследствии о своих подвигах на арене он вспоминал гораздо реже, нежели о ратных делах на поле битвы, когда сражался в рядах «отважных». «Я был слишком тяжел и неловок»,— шутил он. Коррида не была для него забавой или каким-то захватывающим зрелищем: он рассматривал ее как жестокое испытание, когда на карту ставилась жизнь человека. Поэтому его книга «Смерть после полудня» — не столько роман о корриде, сколько трагическая история жизни, которую вдруг обрывает смерть.

Насытившись вдосталь острыми ощущениями, какие способна вызвать коррида, Хемингуэй в поисках новых приключений отправился в Африку охотиться на диких зверей. Был он, заметим, необыкновенным охотником. Он бродил по джунглям с винтовкой в руках не столько в поисках льва или леопарда: там он искал сюжет для своей новой книги; но даже такая «охота» таила в себе немало опасностей. И все же Хемингуэй вовсе не хотел выставлять себя каким-то бесстрашным траппером, отважным охотником, поэтому-то на первой странице романа «Зеленые холмы Африки», перечислив всех его героев, о себе с иронией заметил: «Хемингуэй — одним-махом-семерых-убивахом». Эту иронию надо понять: жизнь писателя ежеминутно подвергалась опасности, но он остерегался говорить про это, не хотелось выглядеть смешным в собственных глазах, опускаясь до спора с теми его многочисленными коллегами-соотечественниками, кто — такова уж особенность характера многих рыцарей пера: чужой успех им претит — не желал видеть в нем настоящего писателя, скорее уж эдакого вульгарного сказочника, рассказывающего всякие небылицы. Воинствующие изоляционисты, в свою очередь, также набрасывались на него, обвиняя в оторванности от родины. Но Хемингуэй не старался опровергнуть и эти суждения, в них была доля истины. Всю свою жизнь он говорил, кричал во всеуслышание, писал, что любит только три города во всем мире — Париж, Венецию и Гавану. А вернувшись домой из Африки, на вопрос одного любопытного плантатора: «Что, на его взгляд, сейчас происходит в Америке?» — он ответил: «Почем мне знать! Какие-то торжества АМХ [2]. Мошенники с сияющими глазами транжирят деньги, и кому-то придется потом расплачиваться».

Такие каламбуры ему не простили, но он плевать хотел на нападки всех этих «червей». Нелестный эпитет, однако именно его он использует, говоря о своих собратьях и согражданах: «Это черви для наживки, набитые в бутылку и старающиеся урвать знания и корм для общения друг с другом и с бутылкой». Даже среди джунглей он не переставал думать об их судьбе, а если ему случалось встретиться с белым человеком, то он непременно делился с ним своими мыслями:

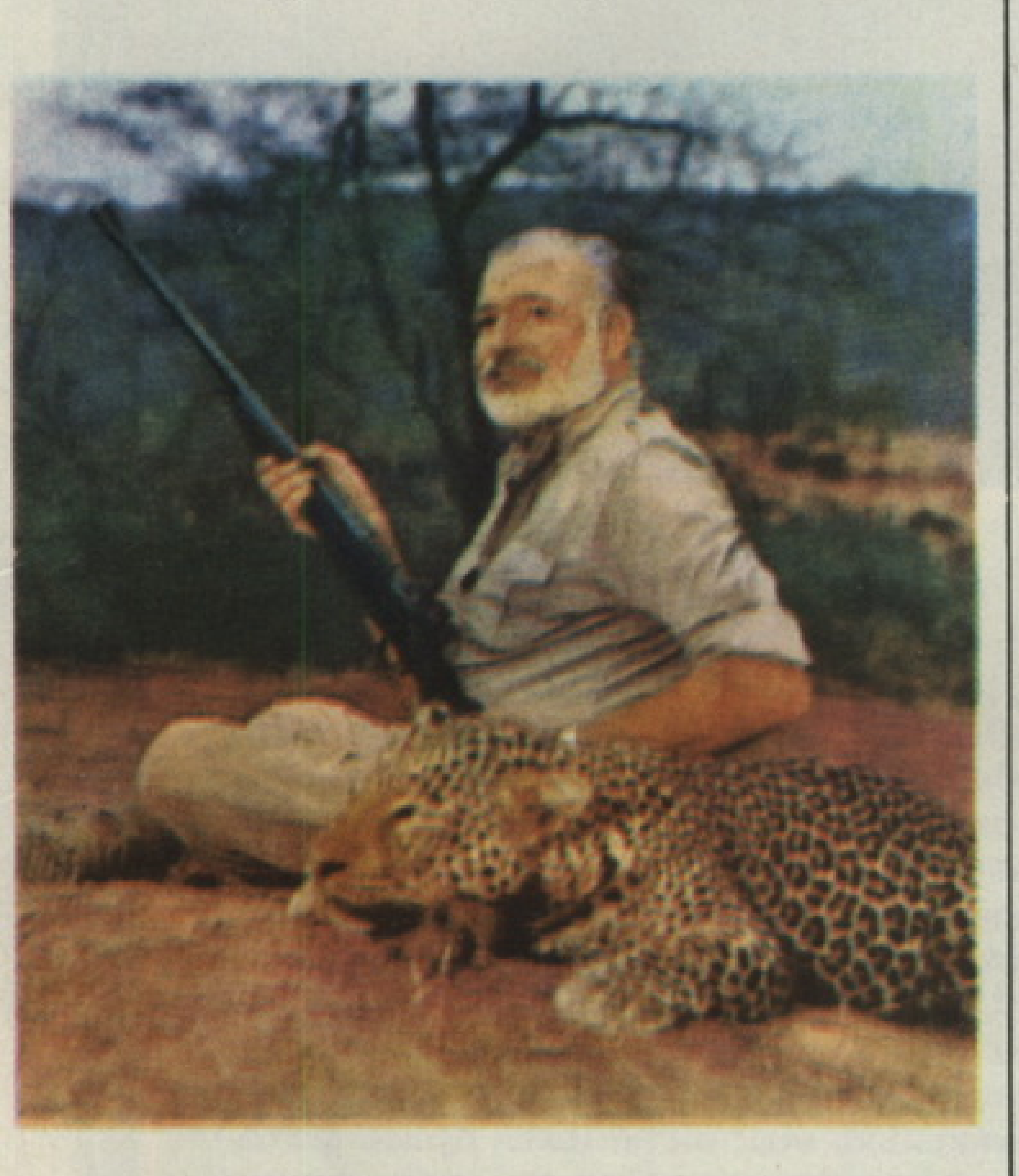
«Сколотить деньгу писатель может только волею случая, хотя в конечном результате хорошие книги всегда приносят доход. Разбогатев, наши писатели начинают жить на широкую ногу — и тут-то они попадаются. Теперь уж им приходится писать, чтобы поддерживать свой образ жизни, содержать своих жен, и прочая, и прочая,— а в результате получается макулатура. Это

[2] *АМХ — Ассоциация молодых христиан.— Прим. ред.*

делается отнюдь не намеренно, а потому, что они спешат. Потому что они пишут, когда им нечего сказать, когда вода в колодце иссякла».

Что же касается самого Хемингуэя, то он брал в руки перо только тогда, когда у него было что сказать. Хотя ради этого ему и приходилось рисковать. Конечно, его было за что критиковать, но он продолжал жить и писать так, как ему хотелось. Даже несмотря на жеманство критиков, огромная армия читателей восхищалась им. Он был больше чем знаменитость: он был популярен. Своим лицом, покрытым бронзовым загаром, густой бородой, всклокоченной шевелюрой, в распахнутой рубахе, обнажавшей его волосатую грудь, он походил на пионера из минувших времен, на золотоискателя, на ковбоя, вышедшего из прерий. Своей внешностью он располагал к себе людей — все, и даже собственная

жена, называли его по-дружески «папашей». Такое прозвище подходило ему как нельзя лучше: он был силен и благороден; если вспыхивал гневом, то скоро отходил, а если смеялся, то долго и раскатисто. Его почитатели обожали слушать всякие сплетни о нем, которые постоянно подогревались новыми «сведениями» из его жизни.

— Где же Папаша? — спрашивали они, улыбаясь.

Везде, где угодно, но только не в тихой заводи. После африканской охоты Хемингуэй увлекся рыбной ловлей в открытом море. С этой целью он обосновался в городке Ки-Уэст, что на одном из островов маленького архипелага Флорида-Кис, где общался исключительно с просоленными морскими волками.

А потом — революция в Испании. Не сомневаясь ни секунды, Хемингуэй решил участвовать в ней. Все свои деньги он вложил в организацию санитарного обеспечения армии республиканцев, потом в качестве специального корреспондента отправился в Мадрид, где ему вновь пришлось пережить ощущения своей юности. Как когда-то на Пьяве, он попросил направить его на фронт. Снова взяв в руки оружие, он встал в ряды сражавшихся республиканцев. Да, он ненавидел кровь. Да, он допускал войну как необходимое средство защиты идеальных границ свободы. События той беспощадной войны нашли свое отражение в одном из его самых прекрасных романов — «По ком звонит колокол». Его герои — бойцы-интернационалисты; все они персонажи, взятые в основном из реальной жизни. Роман вышел в свет в 1940 году, когда гитлеровские войска оккупировали Европу. Началась вторая мировая война.

И снова Хемингуэй не мог не оказаться в гуще сражения. Купив у кубинского контрабандиста моторную лодку, он буквально с голыми руками бросился преследовать немецкие подводные лодки. Потом отправился в качестве военного корреспондента в Лондон. Вместе с английскими летчиками участвовал в операциях по бомбардировке территории фашистской Германии. Но главное происходило не здесь, в Англии, а там, на материке. Хемингуэю хотелось стать непосредственным участником военных операций, лично наблюдать психологию людей, вставших друг против друга. Отказавшись от нейтралитета журналиста, взяв (в который уж раз) в руки оружие, он присоединился к союзническому десанту, в составе которого высадился на берег Нормандии.

Но каким странным был этот доброволец. Сколько беспокойства доставил он военному руководству! Без всякой робости Хемингуэй высказывал о военачальниках все, что думал. Приказы, он их не получал: он отдавал их сам. Вступив в ряды французских партизан «маки́», он вскоре сам стал военным командиром и принимал самое прямое участие в изгнании остатков фашистских войск с территории Франции. В Рамбуйе под Парижем он даже устроил свой собственный штаб. Как свидетельствовал полковник 3-й американской армии Дэвид Брюс, «его кабинет превратился в главный центр всех военных операций». У англичан он просил снаряды, у французов танки. И, как ни странно, все это ему давали. Вместе с танкистами генерала Леклерка он с триумфом вошел в Париж. Прежде всего ему хотелось освободить Монпарнас и Сен-Жермен-де-Пре: там еще слышалась стрельба. С пистолетом в руке во главе своей боевой группы он переправился на другой берег Сены и, достигнув Вандомской площади, первым ворвался в отель «Ритц», только что оставленный немцами. Шофер Хемингуэя, его верный Ред, позже вспоминал, как в тот день полетела в Нью-Йорк телеграмма, возвещавшая о победе, которой суждено было стать легендарной. Ее содержание было следующим: «Папаша взял «Гранд-Отель». Погребок полон».

Перевел с французского И. АЛЧЕЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Э. М. СВИФТ,
американский журналист

Во время встречи советских и американских гимнастов в 1987 году в Фениксе репортер спросил двукратного чемпиона мира Дмитрия Билозерчева, почему такая большая страна, как Соединенные Штаты Америки, не может представить ни одного гимнаста, который оспорил бы первенство у советских спортсменов. Билозерчев пожал плечами: «Возможно, дело обстоит так же, как в нашей сказке о золотой рыбке. Если поймаешь ее, она исполнит три твоих желания. Она где-то здесь, рядом, но сама к тебе не приплывет. Надо как следует поработать, прежде чем ее поймаешь».

И пошел готовиться к следующему упражнению. Пока он разминался, к нему подошел поздороваться тренер американской олимпийской сборной Аби Гроссфилд. Билозерчев кивнул ему и сказал: «Осталось лишь пять месяцев боли». Он имел в виду время, оставшееся до Олимпийских игр в Сеуле, где станет олимпийским чемпионом [1].

Билозерчев может многое рассказать и о боли, и о ее преодолении. Когда в 1983 году в Будапеште он впервые стал чемпионом мира, ему было всего 16 лет.

Два года спустя, меньше чем за месяц до того, как он должен был защищать свой чемпионский титул, жизнь Билозерчева резко изменилась. Автомобильная авария. Его левая нога была практически раздроблена. Голень разбита на 44 куска, и шансы на полное срастание настолько ничтожны, что врачи высказывались за ампутацию.

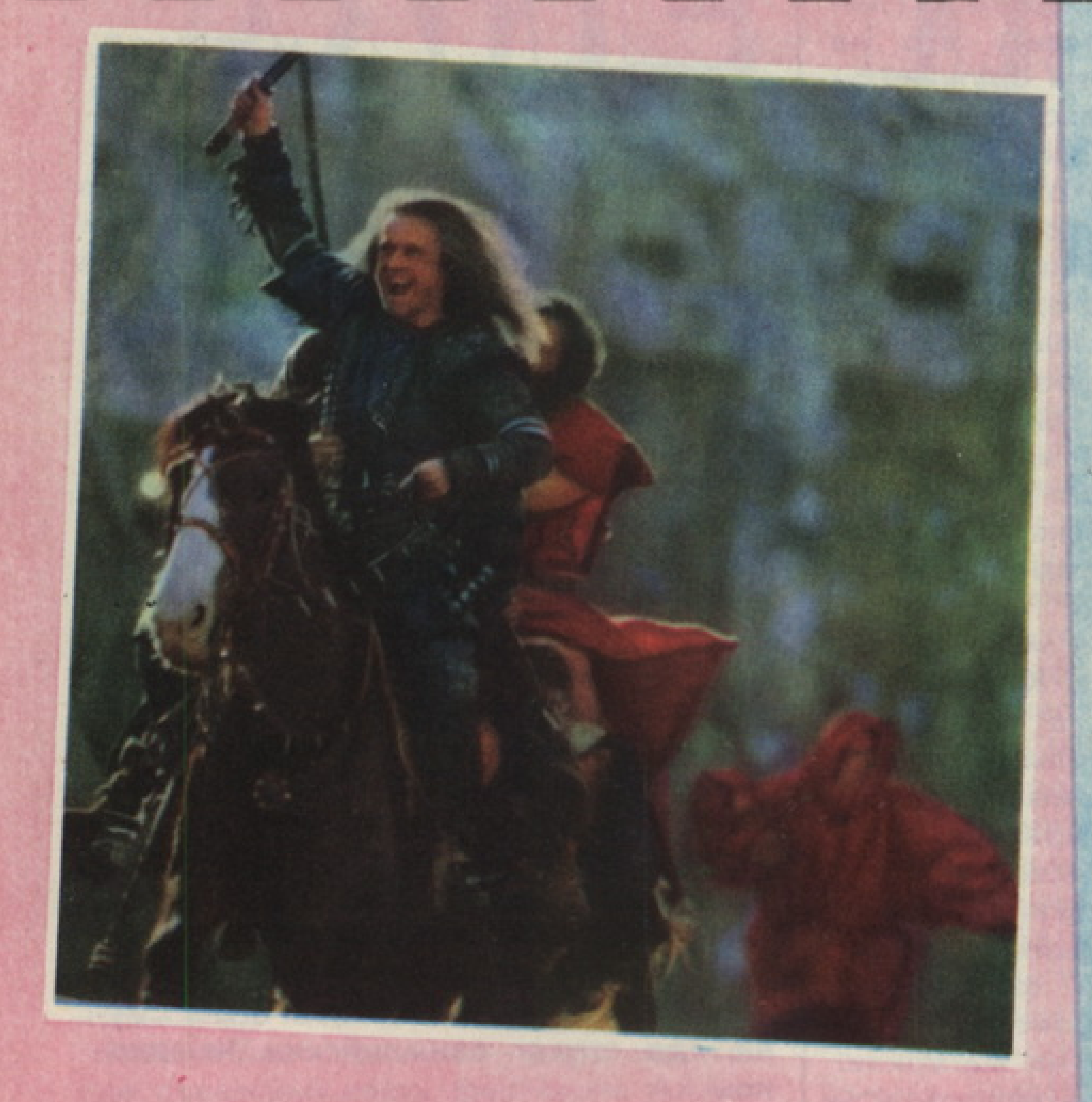
Но после трех операций он все-таки продолжил тренировки. Слишком торопился наверстать упущенное и... порвал сухожилия на правой ноге. Не имея возможности давать нагрузку на ноги, он тренировался на кольцах, параллельных и разновысоких брусьях, гимнастическом коне — с помощью одних рук и плечевого пояса.

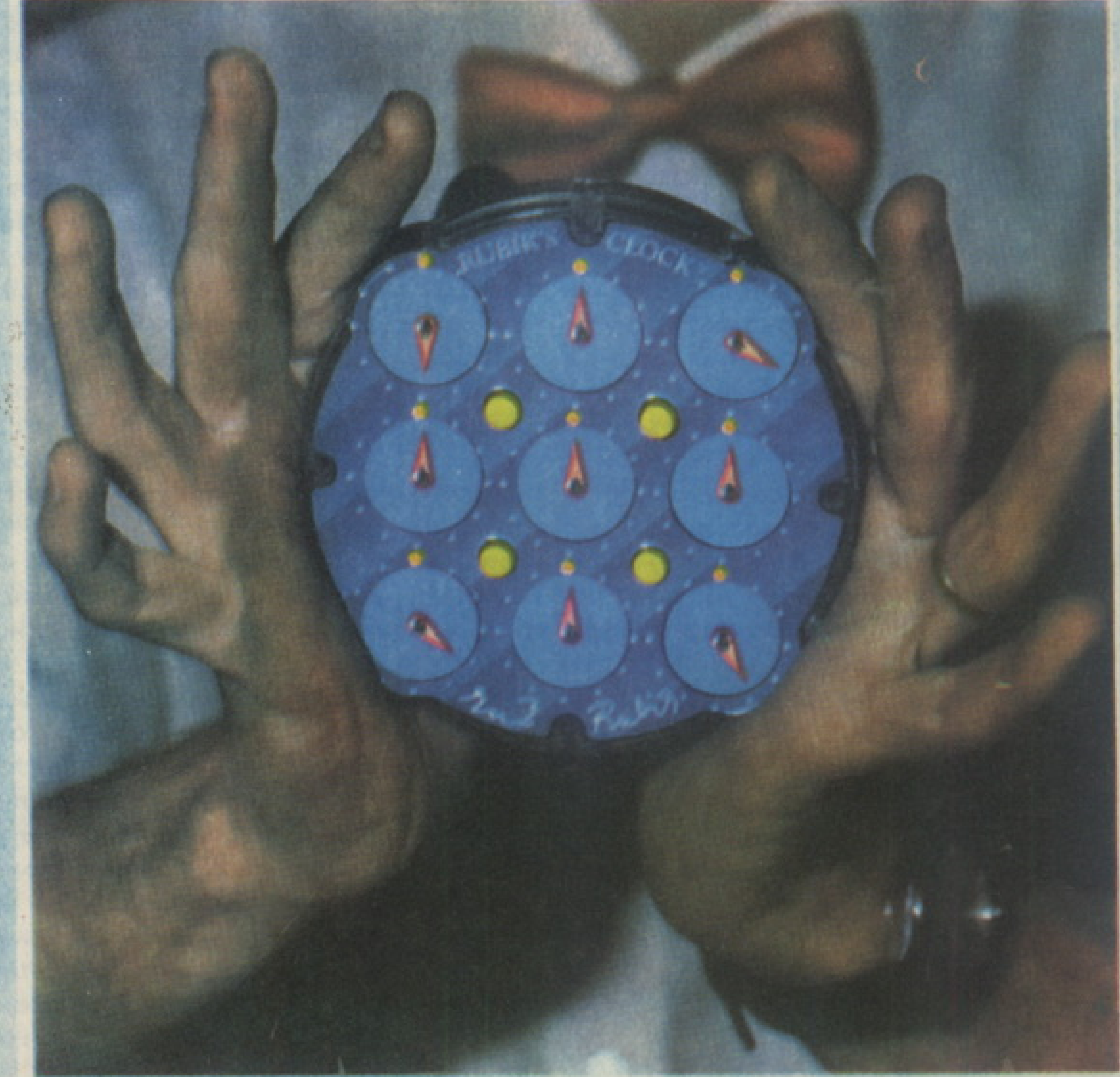
И вот сенсация — на соревнованиях чемпионата мира в Роттердаме он выиграл 0,025 очка у двукратного чемпиона мира, своего товарища по команде, Юрия Королева, и вернул себе титул абсолютного чемпиона. Несмотря на победу, Билозерчев был недоволен своим выступлением. Позднее он скажет: «Вероятно, я никогда не выступал так плохо, как в Роттердаме».

Он повзрослел, лицо его стало более серьезным, решительным. Теперь, оборачиваясь назад, он видит, что та автокатастрофа стала поворотным пунктом в его жизни. «Если бы это со мной не произошло, я бы, наверное, не изменился,— говорит он.— Я стал ответственней относиться к жизни».

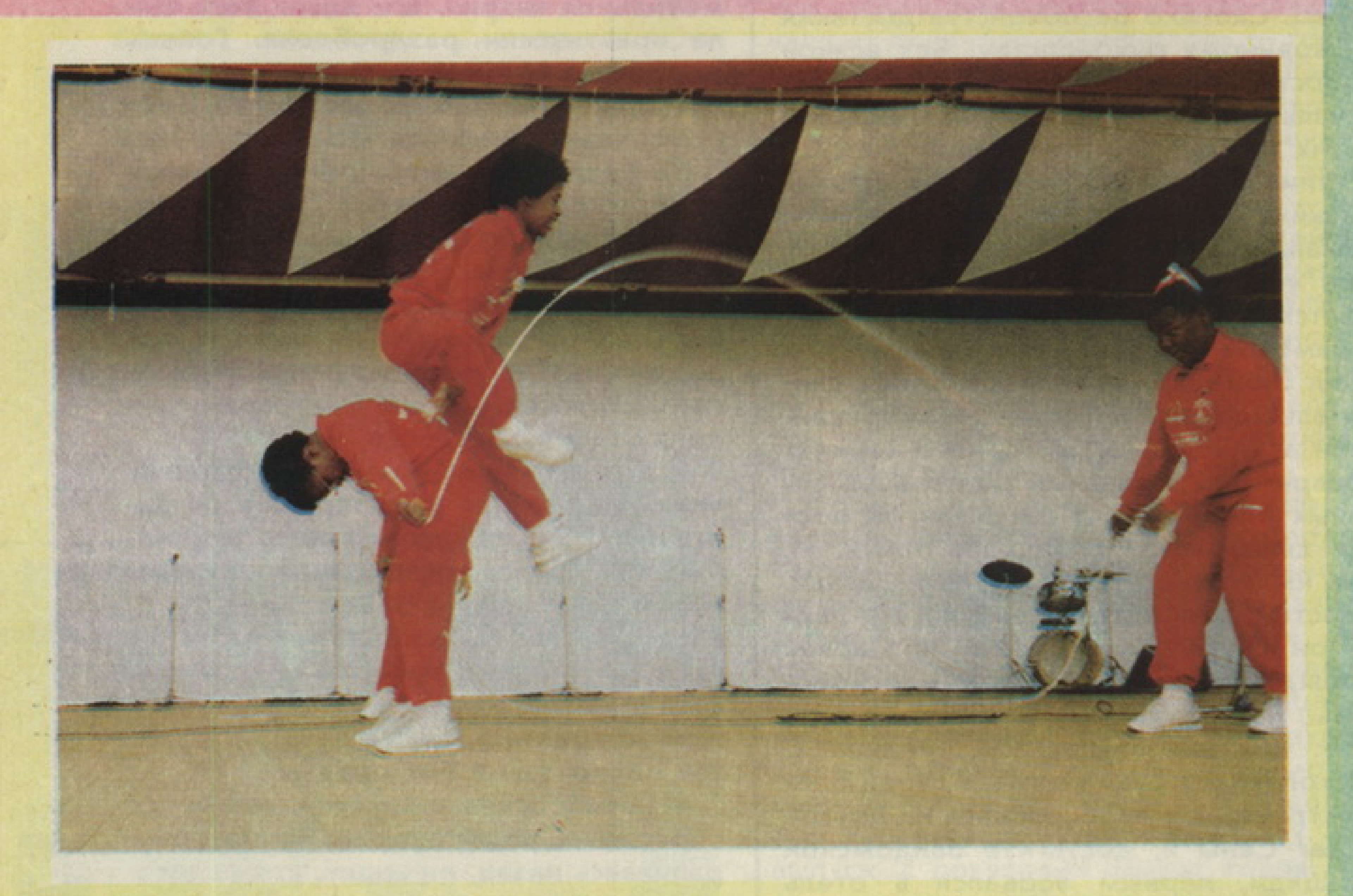
Перевел с английского
М. ЧЕПЫЖЕВ

[1] *Д. Билозерчев завоевал три золотые и одну бронзовую медали.— Прим. ред.*

МИР ЕЩЕ НЕ УСПЕЛ ОТДОХНУТЬ ОТ КУБИКА РУБИКА, а венгерский изобретатель подкинул ему новую головоломку — часы Рубика. Задача проста: при помощи системы колесиков и кнопок установить на девяти сообщающихся между собой циферблатах одно и то же время — 12 часов. Но осложняется она тем, что для достижения «точного времени» существует 43 квинтильона способов, и из них надо выбрать быстрейший.

«ДАБЛ ДАТЧ», или попросту «скакалочка»,— новое увлечение американской детворы. Брейк-данс, вызывавший недоумение пожилых прохожих по поводу нравов современной молодежи, перебрался с улиц в спортивные залы и специальные дискотеки. Ему на смену пришел «дабл датч», правда, в отличие от брейка им увлекаются в основном девочки. Американцы, неукоснительно следующие правилу «береги здоровье смолоду», часто устраивают соревнования по «дабл датчу» среди дворовых, школьных и городских команд. Необходимо выполнить обязательную программу, а в остальном все зависит от ловкости и фантазии участниц — этих «дабл датчисток» наш корреспондент запечатлел во время I Московского международного фестиваля фольклора.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

...О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ДИТЕР БОЛЕН С ТОМАСОМ АНДЕРСОМ. Сообщаем подробности устами Дитера Болена: «Это было черт знает что: Томас имел 90 процентов популярности, при этом всего лишь открывал рот под готовую фонограмму, а я выполнял 99,8 процента всей работы. К тому же он еще и капризничал! А его драгоценная женушка, Нора, запрещала ему буквально все: он не имел права фотографироваться вместе со мной, она не отпускала его на гастроли... Нет, и не просите, никогда больше с ним я работать не буду — меня только недавно перестала мучить язва желудка!»

Состав новой группы Дитера Болена «Блю систем»: гитарист Иоахим Фогель, ударник Франк Отто и вокалистка Жанна Дюпуи (правда, Жанна Дюпуи заявила, что бросает петь и уходит в манекенщицы). «Блю систем» уже выпустили несколько синглов и видеоклипов, кроме того, Болен написал новые песни для Си Си Кетч, для солиста «Бей-Сити роллерс» Лесли Маккеоуна, а также для «некой английской аристократки с примесью испанской крови» (как именует новую таинственную звезду Болена журнал «Браво»). Еще он написал музыку к полицейскому телесериалу «Шиманский», а в одной из серий даже снялся — в роли убийцы. Кстати, не так давно в представленной ЦТ программе западногерманского телевидения была показана серия из «Шиманского» — в ней тоже звучала песня Дитера Болена в исполнении Криса Нормана, бывшего солиста группы «Смоуки».

«10 000 СТАТИСТОВ, 1000 ЛОШАДЕЙ, 200 АКТЕРОВ! Первый совместный советско-западный фильм-гигант!» — так начинает итальянский журнал «Эуропео» интервью с западногерманским режиссером Петером Фляйшманом. Сам же Фляйшман говорит: «Я давно мечтал сделать фильм по одному из романов братьев Стругацких, но потом, после «Сталкера» А. Тарковского, я растерялся — это была такая потрясающая работа, к тому же я подумал: а чего ради русские станут отказываться от своего достояния! И все же нам удалось договориться о совместном производстве фильма «Трудно быть богом». Меня не интересует фантастика в ее «технологическом» варианте, но книга Стругацких — это глубокая философская притча, размышление о роли личности в истории, о проблемах, которые возникают при столкновении интеллектуального поиска с моралью». В фильме заняты актеры из многих стран, в роли Дона Руматы — польский актер Эдвард Дзинтара.

(См. фото в верхнем левом углу).

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ «РОВЕСНИК» по просьбам читателей опубликовал материалы о Поле Маккартни, Джордже Харрисоне, о творческом наследии Джона Леннона, и многочисленные поклонники «Битлз» справедливо упрекают нас в том, что мы ничего не пишем о Ринго Старре. Итак, последняя работа Ринго — роль Мистера Кондуктора в серии детских телепередач «Станция «Шайнинг Тайм», роль большая, хотя Ринго трудно разглядеть на этом снимке, потому что, по замыслу сценаристов, рост Мистера Кондуктора — всего один фут (30,48 см). Как этого удалось добиться — вопрос технический, а вот почему Ринго на это пошел — вопрос, заинтересовавший многих, в том числе и американский журнал «Тайм», из которого мы перепечатываем ответ: «Потому что моя внучка Татя очень любит детские передачи». Кстати, исправляем ошибку: сообщив в рубрике «Что говорят... Что пишут» о том, что Ринго первым из «Битлз» стал дедушкой, мы воспользовались информацией журнала «Лайф», в котором говорилось, что у Старра появился внук. Поскольку корреспондентов «Ровесника» на крестины почему-то не пригласили, мы и поверили «Лайфу» на слово...

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ, в беседах с советскими корреспондентами музыканты из гастролировавшей в Москве группы «Статус кво» откровенностью не отличались. По крайней мере, на вопросы о смысле жизни «раскачать» их не удалось. Зато один из основателей группы — Рик Парфитт — поделился советами о том... как следует носить джинсы:

«Основное правило: джинсы должны хорошо сидеть. Можете ушить верх или низ, но никогда слепо не следуйте моде, иначе это выглядит ужасно и убивает все искусство ношения джинсов. Прежде чем надеть, их надо хорошо выстирать — джинсы должны немного полинять, но никогда не пользуйтесь отбеливателями и прочей гадостью. При хорошем уходе джинсы могут прослужить 8—9 лет, так что если они даже и стоили хороших денег, это хорошо потраченные деньги!»

Луиза, пожалуйста, возвращайся домой

Рассказ

Ш. ДЖЕКСОН, американская писательница

«Луиза». Услышав по радио голос матери, я в первую минуту перепугалась. «Луиза,— говорила она,— пожалуйста, возвращайся домой. Три долгих года прошло с тех пор, как мы видели тебя последний раз. Поверь мне, Луиза, все будет хорошо. Мы ждем тебя, нам всем тебя не хватает. Луиза, пожалуйста, возвращайся домой».

Раз в год. В день, когда я ушла. Каждый раз я пугалась снова, потому что успевала забыть, как звучит голос матери, такой мягкий, с незнакомой прежде умоляющей интонацией. Я слушала радио; я читала сообщения в газетах: «Луиза Тезер исчезла год назад» (или два года назад, три года назад); я ждала 20 июня, как ждут дня рождения. Поначалу я собирала все вырезки, правда, тайком: на первых страницах были мои фотографии, и если бы меня застали за этим занятием, я, наверно, выглядела бы нелепо. Я обосновалась в Чандлере, довольно близко от дома, впрочем, в таком большом городе легко спрятаться, потому-то я и выбрала Чандлер.

Я ведь не убежала просто так, ни с того ни с сего. Я всегда знала, что раньше или позже уйду из дома, и сколько себя помню, строила планы побега. Все должно было пройти гладко с первого раза, второго шанса в таких делах обычно не бывает; и потом, в случае неудачи я бы выглядела ужасной дурой, а моя сестрица Кэрол не из тех, кто даст тебе забыть, как ты однажды сваляла дурака. Да, я нарочно выбрала для побега день накануне ее свадьбы; я много раз пыталась представить ее лицо после того, как она узнала, что на ее свадьбе одной подружкой невесты будет меньше. Газеты писали, что свадьба благополучно состоялась, и Кэрол сказала репортеру, что я, разумеется, была бы этому рада. «Луиза никогда не захотела бы испортить мне свадьбу»,— сказала она, прекрасно зная, что именно этого я и хотела. Я уверена: когда обнаружился мой побег, Кэрол первым делом пересчитала свои свадебные подарки и проверила, не прихватила ли я что-нибудь с собой.

Не знаю, удалась свадьба или нет, зато у меня все складывалось прекрасно, даже лучше, чем я ожидала. Все носились по дому, расставляли цветы, открывали ящики с шампанским и спрашивали друг у друга, готово ли свадебное платье и что делать, если пойдет дождь и нельзя будет накрыть столы в саду; я просто вышла из дома, закрыв за собой дверь. И тут мне единственный раз не повезло — я встретила Пола; он наш сосед, и его Кэрол ненавидит еще сильнее, чем меня. Моя мать всегда считала, что во всех моих неблаговидных поступках, которых стыдилась моя семья, так или иначе замешан Пол. Очень долго полагали, что и в моем побеге без него не обошлось, хотя он снова и снова рассказывал, как он встретил меня на улице в тот день, и я всячески пыталась от него улизнуть. Газеты называли его «близким другом семьи», что, должно быть, привело мою матушку в восторг; его допрашивали в надежде, что он знает, где я нахожусь. А ему тогда и в голову не пришло, что я убежала, я сказала ему то же, что и матери: мне захотелось передохнуть от всей этой суеты, я поеду в город, перекушу там, может быть, схожу в кино. Пол не отставал от меня ни на шаг, хотел поехать вместе со мной. Сначала я не собиралась садиться в автобус прямо возле дома, но он плелся за мной, и я вскочила в автобус; это было единственным изменением в моем плане.

Но так вышло еще и лучше, потому что я успела к дневному поезду; если меня и видели в автобусе, это ровным счетом ничего не значило. Я специально купила билет туда и обратно: узнав об этом, они решили бы, что я собиралась вернуться. Ни мать, ни отец, ни Кэрол никогда ничего не делали просто так, без причины — и если я взяла билет туда и обратно, значит, хотела вернуться. Так они меньше испугаются, рассчитывала я, и у меня будет больше времени. Однако мое отсутствие обнаружилось в тот же вечер: Кэрол не могла уснуть и зашла ко мне в комнату за таблетками, вот почему поиски начались раньше, чем я думала.

Я была не так глупа, чтобы рассчитывать на бесследное исчезновение; ясно было, что они узнают о билете. Но я была уверена, что поймать удается тех беглецов, которые привлекают к себе внимание необычными поступками; я же все время старалась слиться с окружающими и оставаться незаметной. Моим последним «необычным» поступком была покупка обратного билета. Впрочем, это должно было послужить каким-то утешением для родителей: они могли, по крайней мере, надеяться, что я вернусь домой. Я действительно довольно долго хранила этот билет, носила его в бумажнике наподобие талисмана.

Я внимательно следила за газетами. Обычно мы с миссис Пикок читали их во время завтрака, за второй чашкой кофе.

— Что ты думаешь об этой девушке из Роквилла? — спрашивала миссис Пикок, а я печально качала головой: надо быть сумасшедшей, чтобы сбежать из такого роскошного дома. А может быть, она вовсе и не убегала: она была патологическим убийцей, и родственники упрятали ее куда-нибудь подальше. Миссис Пикок любила поговорить о патологических убийцах.

Однажды я взяла газету и долго всматривалась в фотографию.

— Вам не кажется, что я немного похожа на нее? — спросила я у миссис Пикок.

Она откинулась на спинку стула, посмотрела на меня, потом — снова на меня, наконец покачала головой и ответила:

— Нет. Если б ты отпустила волосы подлиннее и сделала завивку, может, и было бы небольшое сходство. Но я в жизни не пустила бы в дом девушку, похожую на патологического убийцу.

— А мне кажется, я на нее смахиваю,— настаивала я.

— Перестань болтать и ступай-ка на работу,— оборвала меня миссис Пикок.

Сев в поезд, я понятия не имела, когда меня хватятся; тем лучше — иначе я бы нервничала и могла испортить все дело. Когда они откажутся от мысли, что я вернусь в Роквилл, первая их мысль будет о Крейне; я знала об этом и поэтому провела в Крейне только несколько часов. Я зашла в большой универмаг на распродажу по сниженным ценам. При-

шлось очень долго пробиваться к отделу, где продавали плащи; там я вовсю поработала локтями и наконец выхватила подходящий плащ прямо из рук у какой-то старухи, которой он все равно бы не налез. Она так вопила, словно уже заплатила за этот плащ. Я заранее приготовила деньги, сунула их продавщице и стала побыстрее пробираться к выходу.

Плащ стоил своих денег; я носила его до самой зимы, хоть бы пуговица оторвалась; весной я его где-то оставила, да так и не нашла. Как только я надела его в первый раз, в туалете универмага, сразу стала думать о нем, как о своем «старом коричневом плаще». У меня в жизни не было такого плаща, матушка бы в обморок упала, если бы его увидела.

Следующий мой шаг показался мне очень разумным. Я вышла из дома в легком жакете; теперь, когда у меня был плащ, я, само собой, сняла жакет. После этого оставалось только вынуть всякие мелочи из карманов и положить жакет на прилавок, будто я разглядывала его, но решила не покупать.

Было приятно сознавать, что я избавилась от жакета. Его купила мать, но все равно он мне нравился; он был дорогой и очень бросался в глаза, так что, раньше или позже, пришлось бы с ним распрощаться. Положи я его в пакет и брось в реку или в мусоровоз, я уверена, жакет бы нашли — тогда они знали бы, что в Крейне я сменила одежду.

В последний раз меня видела одна знакомая на вокзале в Крейне: она узнала меня по жакету. Еще два или три дня газеты писали, что меня видели в Крейне. Одну девушку даже задержала полиция, и ее долго не отпускали, пока не удостоверились, что это не я. Меня по-настоящему разыскивали, но они искали Луизу Тезер, а я перестала быть ею в ту минуту, когда сняла жакет, жакет, который купила мне мать.

Я рассчитывала на одно: в стране должны быть тысячи таких девушек — девятнадцати лет, светловолосых, пять футов четыре дюйма ростом и весом сто двадцать шесть фунтов. Среди этих девушек наверняка многие носят коричневые бесформенные плащи. Пока я отошла от универмага на один квартал, мне встретились четыре таких плаща, и я почувствовала себя в безопасности. Теперь я сделала то, о чем говорила матери перед уходом,— съела сандвич в маленьком кафе и сходила в кино. Я никуда не спешила и не беспокоилась о ночлеге, я решила, что переночевать можно и в поезде.

Даже не верится, как никто не обращает на тебя никакого внимания. В тот день меня видели сотни людей, и никто, даже моряк, который пробовал приударить за мной в кино,— никто не увидел меня по-настоящему. Наверное, если бы мне вздумалось, в моем дешевом плаще, пообедать в каком-нибудь шикарном ресторане, это могло бы броситься в глаза, но я вела себя именно так, как и должна была вести себя девушка моей внешности. Единственный, кто мог бы меня запомнить,— это кассир на вокзале, потому что девушки в таких плащах не часто покупают билеты на ночные поезда, но я и об этом подумала: я взяла билет до Эмитивилла. В этом городке, в шестидесяти милях от Крейна, был колледж — не крохотное заведение для избранных, которое я недавно бросила, никого не спросив, а самый обыкновенный колледж, где мой плащ был бы вполне к месту. Я сказала себе, что я студентка и возвращаюсь из дома после выходных. В Эмитивилл я приехала уже ночью, но в этом не было ничего особенного: пока я пила кофе в буфете, мимо прошли семь девушек в плащах, смахивавших на мой, и похоже было, что ночные поездки для них дело обычное. За кофе я приняла новое решение — теперь я уже не возвращалась в колледж, а, наоборот, ехала домой на несколько дней; все это время я пыталась думать о себе как о студентке — в конце концов, я была ею еще совсем недавно. Мне пришло в голову, что в эту минуту, со всей скоростью, которую может обеспечить правительство Соединенных Штатов, где-то путешествует письмо, в котором объясняется, почему я больше не студентка. Может быть, именно это толкнуло меня к бегству — мысль о том, что подумает отец, получив письмо из колледжа, что он скажет и что сделает.

Об этом тоже было в газетах. Они решили, что я убежала из-за колледжа; не думаю, что в этом было все дело. Сколько я себя помню, я всегда хотела уйти и дожидалась только, пока созреет мой план. Я должна была застраховаться от любых случайностей — так оно и вышло.

На вокзале в Эмитивилле я пыталась придумать правдоподобное объяснение: зачем в понедельник ночью мне понадобилось домой? Я все время подыскивала убедительные мотивы для своих поступков. Никто меня ни о чем не спрашивал, но, зная, что смогу ответить на любой вопрос, я чувствовала себя увереннее. В конце концов я решила, что завтра моя сестра выходит замуж и я буду подружкой у нее на свадьбе. Мне это показалось забавным. От мнимых несчастий — вроде того, что заболела мать или отец попал в автомобильную катастрофу — я отказалась: тогда пришлось бы изображать скорбь, а это привлекает внимание. Итак, я спешила домой, к сестре на свадьбу. Перед тем как покупать билет, я зашла в туалет и достала там из туфли двадцать долларов. Из денег, которые я взяла у отца в столе, оставалось еще около трех сотен, большая их часть лежала в туфлях — ей-богу, лучшего места я просто не придумала. В кошельке я держала ровно столько, сколько мне предстояло потратить. Это были хорошие, добротные туфли, которые надевают не для красоты; перед уходом я заменила шнурки, чтобы можно было их как следует затянуть, хотя, конечно, ходить так целый день не очень-то удобно. Сами видите, все было продумано до мелочей. Если бы свадьбу сестры готовила я, то всей этой беготни, криков и истерики было бы гораздо меньше.

Я купила билет до Чандлера, самого крупного города в этой части штата. Я с самого начала нацелилась на Чандлер, потому что люди из Роквилла всегда объезжали его стороной; если они не могли найти что-нибудь в Роквилле — ткань подходящей расцветки, или стоматолога, или психоаналитика, они ехали в один из действительно больших городов, вроде столицы штата. Чандлер был достаточно велик, чтобы в нем спрятаться, но слишком мал, чтобы жители Роквилла признавали его метрополией. Кассир в Эмитивилле, должно быть, привык к тому, что студентки едут в Чандлер в любое время суток, потому что он взял деньги и сунул билет, даже не взглянув на меня.

Забавно. Наверно, меня все-таки искали в Чандлере, не могли они его пропустить. Однако они не верили всерьез, что кто-то может по своей воле променять Роквилл на Чандлер. Само собой, мои фотографии появлялись в газетах, но никто ко мне не присматривался. Я каждый день ходила на работу, в магазины, на пляж, иногда в кино с миссис Пикок — и не боялась, что меня могут узнать. Единственным приезжим из Роквилла, которого я видела за три года, была одна подруга моей матери, но, когда мы поравнялись на улице, я сделала шаг в сторону, и она спокойно прошла мимо.

В Эмитивилле вместе со мной в поезд сели две студентки; вполне возможно, что обе они ехали на свадьбу к своей сестре. Они не носили коричневых плащей, но на одной из девушек была старая синяя кофта, что выглядело примерно так же. Когда поезд тронулся, я уже спала; проснувшись среди ночи, я не сразу сообразила, где нахожусь, но, когда я поняла, что мой план сбывается, что полдела уже сделано, мне стало вдруг весело, и я чуть не расхохоталась в тишине ночного вагона. Больше я не просыпалась до утра, когда поезд прибыл в Чандлер.

У меня впереди был целый день, и я начала с того, что пошла искать жилье и работу, позавтракала в ресторанчике у вокзала. Но прежде я купила чемодан; если вы покупаете чемодан рядом с вокзалом, людям это почему-то кажется вполне естественным. Я выбрала один из тех магазинов, где продают всякую всячину; кроме дешевого чемоданчика, я купила пару чулок, дюжину носовых платков и будильник. Все можно сделать, надо только не расстраиваться и не волноваться.

Позже, когда мы с миссис Пикок читали в газетах о моем исчезновении, я спросила у нее: «Как вы думаете, могла Луиза Тезер оказаться в Чандлере?» Она так не думала.

— Поговаривают, что ее похитили,— сказала она.— Видно, так оно и есть, похитили и убили.

— В газетах пишут, что никто не требовал выкупа,— возразила я.

— Ну и что? — покачала головой миссис Пикок.— А если родственники что-то скрывают? И потом, с какой стати кто-то будет требовать выкуп за патологического убийцу? Можешь мне поверить, девушки твоих лет многого еще в жизни не понимают.

В то первое утро в Чандлере я не подозревала, что меня ждет огромная удача — я имею в виду встречу с миссис Пикок. Во время завтрака я решила, что теперь я девушка из провинции, воспитанная, из хорошей семьи, которая накопила денег, чтобы приехать в Чандлер и окончить курсы делопроизводства. Я собиралась подыскать какую-нибудь работу: занятия начнутся не раньше сентября, и у меня впереди было все лето, чтобы собрать еще немного денег и окончательно решить, буду ли я учиться. Захоти я уехать из Чандлера, это легко можно было бы сделать, как только немного уляжется шумиха вокруг моего исчезновения. Для серьезной девушки, какой я теперь была, коричневый плащ не очень-то подходил, поэтому я несла его в руке. Вообще-то, я считаю, что отлично решила вопрос одежды. Перед уходом из дома я выбрала серый костюм, самый спокойный и неброский, и белую блузку; сменив эту блузку или прицепив на отворот какой-нибудь значок или брошку, я могла легко изменить свой внешний вид в зависимости от обстоятельств. Этот костюм как нельзя лучше подходил для девушки, которая собирается поступить на курсы; когда я шла по улице с чемоданчиком и плащом в руке, то ничем не выделялась среди окружающих; именно такие девушки каждую минуту выходят из поездов. Я купила утреннюю газету, выпила чашку кофе и отправилась на поиски комнаты. Все это было так привычно — чемоданчик, плащ, вопрос о том, где можно снять комнату; когда я спросила продавца, как попасть на улицу Примул, он даже не взглянул в мою сторону. Ему, конечно, было все равно, доберусь я на улицу Примул или нет, но он очень вежливо объяснил мне, где она находится и каким автобусом туда доехать. Я могла бы и не экономить и взять такси, но это был бы странный поступок для девушки, которая откладывает деньги на учебу.

— Я никогда не забуду, какая ты была в то утро,— сказала мне однажды миссис Пикок.— Я сразу поняла, что ты мне подходишь — спокойная, воспитанная девушка. Но похоже было, что ты ужасно испугалась большого города.

— Я не испугалась. Просто мама надавала мне столько советов и предостережений... и мне не верилось, что я вообще смогу найти комнату, которая ее бы устроила.

— Любая мать может зайти ко мне в дом в любое время, и она поймет, что ее дочь попала в хорошие руки,— проворчала миссис Пикок.

Так оно и было. Когда я вошла в дом миссис Пикок на улице Примул, мне стало ясно, что лучше не придумаешь. Дом был старый и удобный, мне досталась уютная комната, и мы с миссис Пикок сразу поладили. Она осталась очень довольна, узнав о наставлениях моей мамы: убедиться, что комната опрятная, что соседи приличные и по вечерам за девушками не увязываются хулиганы. Еще больше ее обрадовало, что я намерена откладывать деньги, поступить на курсы и найти хорошую работу, чтобы немного помогать родителям. Через час после нашего знакомства миссис Пикок знала все о моей воображаемой семье в глубинке: о моей овдовевшей маме; о сестре, которая недавно вышла замуж и вместе с мужем жила пока в нашем доме; о непутевом младшем брате Поле, который доставлял маме много хлопот. Я назвалась Лоис Тейлор. Но, по-моему, скажи я свое настоящее имя, миссис Пикок никогда не связала бы его с газетными заметками; ей уже казалось, что она знакома с моими родными; она хотела, чтобы я успокоила маму и написала ей, что миссис Пикок позаботится обо мне, как о собственной дочери. Вдобавок ко всему, она сказала, что в магазине канцтоваров по соседству нужна продавщица и что я им как раз подойду. Не прошло и суток, а я была уже другим человеком.

Однажды я прочитала в газете, что один известный предсказатель написал моему отцу и взялся меня разыскать; астральные знаки указывали на то, что меня найдут где-то возле цветов. Меня это поразило — ведь я жила на улице Примул, но мой отец, и миссис Пикок, и все остальные заключили, что мое тело где-то зарыто; пустырь у вокзала, где меня видели в последний раз, перекопали вдоль и поперек, и миссис Пикок была очень разочарована, когда там ничего не нашли. В тот день, когда я поняла, что уже целый год не живу дома, я позволила себе купить новую шляпку и пообедать в городе. Вернувшись как раз к вечернему выпуску новостей, я услышала по радио голос матери.

«Луиза,— говорила она,— пожалуйста, возвращайся домой».

— Бедная женщина,— сказала миссис Пикок.— Представляю, что она чувствует. Говорят, она все еще верит, что ее девочка когда-нибудь отыщется.

— Вам нравится моя новая шляпка? — спросила я.

Я передумала идти на курсы делопроизводства, потому что магазин канцтоваров расширился, и я теперь возглавляла новый отдел сувениров; со временем я вполне могла заведовать всем магазином. Мы по-семейному обсудили это с миссис Пикок и решили, что было бы глупо срываться с места и начинать все сначала. Отложенные деньги я хранила в банке; мы с миссис Пикок подумывали о том, чтобы объединить наши сбережения и купить малолитражку или поехать куда-нибудь, может быть, даже в круиз.

Одним словом, я была свободна, дела у меня шли прекрасно, мне и в голову не приходило возвращаться домой. Просто мне чертовски не повезло, что я встретила Пола. Я уже давно ни о ком из них не думала, только случайная заметка в газете напоминала мне об их существовании, но, должно быть, в глубине души я ни на минуту о них не забывала; я остановилась посреди улицы с раскрытым ртом и позвала: «Пол!» Он обернулся, и тогда я поняла, что наделала, но было уже поздно. Он долго вглядывался в меня, потом нахмурился, казалось, он был озабочен; видно было, что он не верит своим глазам. Наконец он сказал: «Не может быть!»

Он говорил, что я должна вернуться; если я этого не сделаю, он скажет им, где меня найти. Он погладил меня по голове и сказал, что человека, который найдет меня, все еще ждет вознаграждение и когда он его получит, я могу снова убегать себе на здоровье, так часто и так далеко, как мне вздумается.

Может быть, мне действительно хотелось домой. Может быть, все это время я подсознательно ждала случая вернуться, может быть, именно поэтому я узнала Пола на улице.

Миссис Пикок я сказала, что еду домой навестить семью; мне это показалось забавным. Пол отправил телеграмму моим родителям и взял билеты на самолет — уж в воздухе я точно никуда не денусь.

Когда мы ехали в такси из роквиллского аэропорта, мне стало не по себе; я готова была поклясться, что за все три года ни разу не вспомнила об этом городе, об этих улицах, домах, магазинах, таких знакомых когда-то, но теперь я поняла, что все это было в моей памяти, будто я и не уезжала.

— Здесь ничего не изменилось,— сказала я.— На этом углу я села в автобус, а здесь я встретила тебя в тот день.

— Если бы тогда я сумел тебя остановить, ты, наверно, больше не пыталась бы убежать.

Когда я вышла из такси перед нашим домом, у меня подкашивались ноги. Я схватила Пола за руку и попросила:

— Пол... подожди немного.

Он посмотрел на меня; я хорошо знала этот взгляд, который говорил: «Если ты подведешь меня сейчас, я сделаю так, что ты никогда об этом не забудешь». Он обнял меня за плечи, и мы пошли по дорожке к парадной двери.

«Интересно, следят ли за нами из окна». Мне трудно было представить, как поведут себя мои родители, ведь для них всегда так важно было сохранять спокойствие и достоинство. Миссис Пикок давно бы уже вышла навстречу, но наша дверь была плотно закрыта. «Неужели придется звонить?» — подумала я, никогда еще мне не приходилось этого делать. Я все еще колебалась, когда Кэрол открыла дверь.

— Кэрол! — Меня поразило, как она постарела; я подумала, что не видела ее три года. Наверно, и я изменилась за это время.— Кэрол, Кэрол! — Я действительно была рада ее видеть.

Она пристально посмотрела на меня и отступила в дом; там меня ожидали отец и мать. Мне хотелось броситься к ним, но я сомневалась, не зная, как вести себя: сердятся ли они на меня, или им больно, или они просто счастливы, что я вернулась. И я не придумала ничего лучшего, чем сказать неуверенно:

— Мама?

Она подошла, положила руки мне на плечи и долго смотрела мне в лицо. По ее щекам катились слезы; я подумала, что когда-то готова была расплакаться от любого пустяка, а теперь, когда нужно было плакать, мне почему-то хотелось

рассмеяться. Она казалась старой и несчастной, а я чувствовала себя ужасно глупо. Потом она обернулась к Полу.

— Пол, Пол, как ты мог снова это сделать?

Я видела, что Пол напуган.

— Миссис Тезер...— начал он.

— Как тебя зовут, детка?

— Луиза Тезер,— ответила я машинально.

— Нет, детка,— мягко возразила она,— как твое настоящее имя?

Теперь мне уже хотелось плакать, но вряд ли это могло что-то изменить.

— Луиза Тезер,— повторила я.— Это мое имя.

— Почему вы не можете оставить нас в покое? — Кэрол побелела и затряслась от злости.— Мы уже много лет ищем мою сестру, а такие, как вы, думают только, как бы нас надуть и получить вознаграждение! — кричала она.— Неужели непонятно, что для вас это возможность поживиться, а для нас это каждый раз трагедия! Оставьте же нас в покое!

— Кэрол,— сказал отец,— ты испугала бедную девочку. Милочка,— обратился он ко мне,— я уверен, что вы не понимаете всей жестокости вашего поведения. Мне кажется, вы хорошая девушка; попробуйте представить себе, что вашу собственную мать...

Я попробовала представить собственную мать: она стояла передо мной.

...кто-нибудь вот так же обманул. Вы, конечно, не знаете, что этот молодой человек,— я отвела глаза от матери и посмотрела на Пола,— уже дважды приводил девушек, которые назывались именем нашей дочери; оба раза он утверждал, что сам был обманут и не думал о деньгах, и оба раза мы отчаянно надеялись, что это будет действительно наша дочь. Один раз мы верили в это несколько дней: девушка выглядела как наша Луиза, она вела себя, как Луиза, она знала все семейные секреты, которые, казалось, могла знать только Луиза,— и все-таки это была не Луиза. А моя жена с каждым новым разочарованием страдает все сильнее.

Он обнял мою мать; они стояли вместе с Кэрол и смотрели на меня.

— Послушайте,— взорвался Пол,— она-то знает, что она — Луиза. Дайте ей возможность это доказать!

— Как? — спросила Кэрол.— Я уверена, если спросить ее о чем-нибудь, ну, например, какое платье она должна была надеть на мою свадьбу...

— Розовое,— сказала я.— Я хотела голубое, но ты настояла на розовом.

— ...я уверена, она будет знать ответ,— продолжала Кэрол, словно не слыша меня.— Те девушки, которых ты приводил, Пол, они обе все знали.

Мне следовало предвидеть, что ничего не выйдет. Может быть, они просто привыкли меня искать, и их это устраивало; может быть, мать посмотрела в мое лицо и не увидела там ничего от Луизы Тезер, ведь я так старалась стать Лоис Тейлор.

Мне стало жалко Пола, он никогда не понимал их так хорошо, как я; он все еще верил, что можно их убедить, что они раскроют объятия и воскликнут: «Луиза! Нашлась наша дочь!», а потом ему вручат вознаграждение, и мы все будем жить долго и счастливо. Пока Пол пытался спорить с отцом, я сделала несколько шагов и заглянула в гостиную: я понимала, что времени у меня мало, и хотела еще раз посмотреть на свой дом. Кэрол не спускала с меня глаз. «Интересно, что пытались стянуть те две девушки?» — подумала я; мне захотелось сказать ей: «Все, что мне надо, я могла взять тогда, три года назад». Вдруг я отчетливо поняла, что мне хочется только одного — остаться; я едва удержалась, чтобы не повиснуть на перилах лестницы и не закричать. Такая вспышка могла бы напомнить им об их дорогой пропавшей Луизе, но едва ли они предложили бы мне остаться. Я живо вообразила себе картину: я кричу и брыкаюсь, а меня тянут к двери, выбрасывают из моего дома.

— Такой славный старый дом,— вежливо сказала я Кэрол, которая не отходила от меня ни на шаг.

— Здесь живет несколько поколений нашей семьи,— так же вежливо заметила она.

— Очень красивая мебель.

— Мама обожает старину.

— ...отпечатки пальцев! — кричал Пол, надеясь, видимо, что сейчас пошлют за юристом; я подумала, что его ждет разочарование. Во всем мире не нашлось бы юриста, который убедил бы мою мать и моего отца, и мою сестру Кэрол признать во мне Луизу, если они в это не верят. Разве мог закон заставить мою мать посмотреть мне в глаза и узнать меня?

Пора было дать Полу понять, что мы ничего не сможем сделать. Я подошла к нему и сказала:

— Пол, разве ты не видишь, что только сердишь мистера Тезера?

— Правильно, милочка,— подтвердил отец и одобрительно кивнул в мою сторону.— Он ничего не добьется угрозами.

— Пол,— сказала я,— нам здесь нечего делать.

Отец — прошу прощения, мистер Тезер — подошел ко мне и взял за руку.

— Моя дочь была моложе вас,— сказал он ласково,— но я знаю, что и у вас есть где-то родные, которые любят вас и желают вам счастья. Возвращайтесь к ним, милочка. И послушайтесь моего отцовского совета: не связывайтесь с этим парнем — он никчемный и злой человек. Возвращайтесь домой.

— Мы знаем, что значит тревожиться о дочери,— добавила мать.— Возвращайся к людям, которые тебя любят.

— Нам будет спокойнее знать, что у вас есть деньги на проезд,— сказал отец.

Я попыталась отдернуть руку, но он настойчиво вложил в нее свернутый банкнот.

— Возможно, однажды, — сказал он,— кто-нибудь поможет и нашей Луизе.

— До свидания, детка.— Мать потрепала меня по щеке.— Будь счастлива.

— Надеюсь, ваша дочь когда-нибудь вернется,— сказала я.— Прощайте.

У меня в руке оказалось двадцать долларов, и я отдала деньги Полу. Это было не так уж и много, если учесть все его хлопоты.

Мать по-прежнему, один раз в год, обращается ко мне по радио.

«Луиза,— говорит она,— пожалуйста, возвращайся домой. Мы все ждем нашу дорогую девочку, нам всем тебя не хватает. Твоя мать и твой отец любят тебя и никогда не забудут. Луиза, пожалуйста, возвращайся домой».

Перевела с английского
О. БАРШАЙ

Рисунки О. Скударя

Мишель ПЛАТИНИ,
французский футболист

ЗА ПОТЕРПЕВШИХ КРУШЕНИЕ - В БОЙ !

«Наркотик — это смерть!» — редко, когда рекламный призыв бывает столь справедливым и общественно полезным.

Благодаря своему наследственному душевному равновесию я никогда не испытывал соблазна, но мне хорошо известен причиняемый наркотиками вред, и поэтому последние два года я столь активно занимался этой проблемой. Мне кажется, что люди, не затронутые этим недугом, должны прийти на помощь тем, кто от него страдает. Вот уже два года, как я готовлю сражение. И пусть у меня нет особо яркого воображения, которым обладают создатели рекламных призывов кампании против употребления наркотиков, я определил свою позицию и выработал собственный лозунг: «Больше не колитесь: вы колете саму жизнь!»

Я принимаю эту борьбу очень близко к сердцу. Теперь она должна стать еще одним чемпионатом мира, может, самым важным в моей жизни. Этот матч сулит нам самые заветные призы. Создавая фонд собственного имени, я приглашаю все предприятия, обладающие чувством ответственности, принять в нем участие, надеть желтую майку лидера в борьбе с наркотиками. Так как именно здесь, на повседневном стадионе нашей жизни, разыгрывается сражение за будущее нашей молодежи, а заодно и всех этих предприятий.

Бывший президент французской федерации футбола Фернанд Састр стал казначеем нашего фонда, и на его приглашение отозвались врачи, писатели, кинoработники, «звезды» рекламы.

Государственные деятели — Франсуа Миттеран и Жак Ширак (в то время премьер-министр Франции.— Ред.) — тоже не оставались в стороне; они меня приняли и внимательно выслушали. Но я не намерен позволить убаюкать себя обещаниями, и, клянусь, без колебаний позвоню в колокольчик у входа в оба правительственных парка, чтобы удостовериться, выполнены ли они.

Я чувствую, что настроен на одну волну с молодыми. Ежедневно я получаю около тысячи писем и надеюсь, что постепенно мне станет ясен весь комплекс интересующих их проблем. Не так уж много молодых людей просят у меня автограф или фотографию. Большая часть просит у меня совета, мне доверяют, видимо, потому, что я, в отличие от некоторых других «звезд футбола» не разворачиваю особой деятельности за рамками своей профессии Я никогда не был тем человеком, о котором любители сплетен и пересудов могли собирать пикантные историйки, словно вычесывая блох у шелудивой собаки. Нет, Мишель Платини, поелику возможно, никогда не украшал столбцы скандальной хроники. Почему? Потому что, как мне кажется, Мишель Платини, снимая свои бутсы, становится самым обычным, рядовым человеком, как тысячи других, как все.

Молодые мне доверяют, потому что, глядя на меня, они видят человека спокойного, уравновешенного. Все пересуды могут касаться только моего ремесла. Суровая критика, насмешки — все это случалось только тогда, когда я имел несчастье «смазать» стопроцентный мяч или же когда я уставал, и это чувствовалось на поле.

Во Франции, где существуют более двух с половиной миллионов безработных, молодым людям приходится несладко в поисках своего первого рабочего места. В результате именно эти молодые люди становятся удобной жертвой, мишенью для наркотика. Эти молодые люди ищут какой-то «мозговой отдушины» (если употребить модное ныне выражение) и находят ее в наркотическом опьянении.

Итак, сыграем в «обводку» с наркотиком, забьем ему как можно больше голов, выиграем у него «поле», взорвем, словно динамитом, своими настырными, хорошо организованными атаками его «бетонную» защиту. Не дадим ему захватить нас, защитим себя точными ударами, хладнокровно нанесенными в нужный момент и в нужном месте. Отберем у него мяч. Ибо мяч — это мучительные переживания из-за перспективы остаться без работы, страх оказаться никем, очутиться на обочине общества и лишиться того достатка, который общество может предложить, правда, весьма дорогой ценой!

Но когда молодой человек выбирается с помощью лечения из тисков наркомании, он все же уже «зачумлен», наркомания уменьшает и без того мизерные его шансы получить работу, освоить какое-то ремесло. И довольно часто он вновь возвращается к ней.

В Сент-Киприене, в Восточных Пиренеях, на своем «Большом стадионе», которым я занимаюсь уже несколько лет, я постоянно принимаю молодых людей, ставших жертвами наркомании. Я у них ничего не требую. Ни копейки. Лишь одно — они должны серьезно заниматься спортом: футболом, баскетболом, теннисом, неважно чем, только чтобы избежать коверкающего их жизнь опьянения табаком, алкоголем или наркотиками.

Я ничего не могу им предложить, кроме своего увлечения спортом, кроме примера пацана, который сумел

Отрывок из книги «Жизнь в футболе».

преодолеть свои физические недостатки. Каждую неделю, даже тогда, когда меня скручивали в бараний рог критики, даже в период спада и депрессии, я находил время, чтобы навестить этих растерявшихся молодых людей, для которых жизнь имела горький привкус. Мы разговаривали, они выполняли данные мне обязательства заняться каким-либо видом спорта, проникнуться чувством индивидуальной ответственности, и я, в свою очередь, пытался их утешить, вселить в них уверенность: «Посмотри, какой чудный пас, замечательный дриблинг,— пот, пролитый на поле ради удовольствия игры в футбол,— это самое желанное противоядие».

Увы, не всегда я одерживал победы. Некоторые из них вновь опустились на дно. Но все они, как один, сдержали данное мне слово: никто не проболтался о том, что я им по дружбе говорил.

От «Нанси» до «Жюва», от «АС Жёф» до «Голубых» я всегда исповедовал один-единственный принцип: «Если ты пришел играть в футбол, то только для того, чтобы забивать голы». Забивать голы. Может, не так, как это делал Герд Мюллер, которого я бесконечно уважаю, но который воплощал собой «забивальщика» и только, а скорее на манер Пеле, Круиффа, Маццолы или Дейны, их искусство забивать голы было разумным продолжением той стратегии, которая соединяла в себе одновременно понимание игры, «оркестровку» всей команды, а также «чутье гола», которое тут же возникало, стоило кому-нибудь из них приблизиться к шестнадцатиметровой отметке, этой магической зоне противника.

Забивать, забивать, забивать — такова единственная цель игры, и я счастлив оттого, что играл в Италии в ту эпоху, когда «катеначчо», глухая защита, начинала уже основательно ветшать... Это, однако, не значит, что поборник атаки не должен уметь защищаться.

Сколько же было тех, кто, узнав о моем намерении начать публичную кампанию в защиту наркоманов, тут же показал мне «красную карточку». И вот, чтобы заставить замолчать этих воронов, этих дурных арбитров, я должен был уйти в защиту и наносить ответные удары. Слава богу, в линии защиты моей команды находился доктор Клод Оливенштейн. Он написал мне письмо. Приведу из него несколько строк: «Как всегда, вы поняли главное. Вы поняли, что вызволить кого-то из тисков наркомании, не предлагая при этом никакого шанса в жизни, нельзя, это неизбежно приведет к полному провалу всего вашего начинания. Предлагая с помощью предприятий работу молодым людям, преодолевшим этот тяжкий недуг, вы осуществляете на деле нашу мечту, мечту профессионалов, которые с беспокойством и болью наблюдают за тем, как отчаяние охватывает наших мальчиков и девочек. Спасибо за то, что вы такой, как есть, рассчитывайте на нашу поддержку, а также на помощь тех профессионалов, которые вот уже более двадцати лет ведут борьбу с наркотиками». Эти теплые слова можно сделать символом нашего объединения.

Я всегда говорил: двигателем моей жизни была страсть. И эту страсть, которая может проявляться как в футболе, так и в шахматах, я хочу разделить с теми молодыми, которых охватило отчаяние, у которых не было в жизни шанса иметь таких родителей, как Анна и Альдо Платини. Именно по этой причине я решил обратиться к предприятиям, к муниципалитетам и даже к футбольным клубам. Мяч находится у них на поле, но это, однако, не означает, что если завтра «Бордо» или «Пари-Сен-Жермен» возьмут к себе этих юношей, то они вскоре заиграют на зеленом газоне стадиона «Лескюр»!

Когда я играл свои последние матчи за «Ювентус», журналисты спрашивали меня, собираюсь ли я начать подобную кампанию в Италии. «Дайте мне время начать ее во Франции»,— отвечал я. При этом я не боялся мнения одержимых болельщиков, хотя знаю, что вот уже два года вратарь римской «Лацио» Астутильо Мальиольи, который вступил в борьбу против наркотиков, подвергается злобным нападкам со стороны своих поклонников: «Ты слишком много думаешь о наркотиках, Асту! Превратился в какое-то сито!»

Что касается меня, то я уже ничего особенного доказать на поле не мог, и, ясно, предвидя закат, я вовремя завершил карьеру. Я знаю, что, завершив эту карьеру, я займусь тысячей других дел, но я никогда не прекращу свой долгий матч против наркотиков, этого врага, который нужно во что бы то ни стало победить.

Я не ведаю, смогу ли остаться лояльным, «обычным» игроком (каким я, надеюсь, и был на протяжении всей своей карьеры), перед лицом невыносимой агрессивности такого противника. Я слишком уважаю молодость, отрочество, детство. Слишком глубоко во мне сидит прекрасное воспоминание о мальчике-коротышке, который в день первого матча в футболке клуба «АС Жёф» забил два самых первых «официальных» гола. До сих пор вижу, как растягивается сетка от удара мяча! Я еще слышу крики мальчишеской радости, которую мы совсем не скрывали. Два гола с подачи Гомкура, вот он, дебют славы! В то время я еще не был ювелирным исполнителем прямых и свободных ударов. Откровенно говоря, я просто не мог с такой дистанции добить мяч до ворот!

Слишком глубоко во мне сидят воспоминания, невыносимые картины островка Шалон в двенадцатом районе Парижа. Зажатый между Лионским вокзалом и бульваром Доменсиль, он — не просто гетто, это — раковая опухоль, которая разъедает молодых.

Апрель 1984-го. Вот уже два года Шалон находится в полной власти самой тяжелой наркомании. Усердные защитники морали обвиняют в этом живущих здесь иммигрантов: китайцев, арабов, африканцев. Именно африканцы, утверждают эти моралисты, завезли сюда шприц и иглу. Меня больше интересуют последствия.

Кислые, вылинявшие лица молодых, они сидят на тротуарах, держат в руках шприц. Они готовятся совершить «путешествие», поездку в один конец, выпив лишь стакан минеральной воды с лимоном. Мне от этого не по себе, трудно сдержать слезы. Ведь именно воду с лимоном глотают сидящие на скамье для запасных игроки, чтобы повысить тонус.

Вот встает перед глазами проезд Брюнуа — во всем своем неприглядном виде, под весенним солнцем. Здесь, на виду у всех, «дилеры» мнут руками наркотическую пасту, иногда делают уколы своим клиентам прямо на глазах у других живых мертвецов. «Дилеры» принимают в уплату все: франки, иностранную валюту, автомобильные радиоприемники, золотые цепочки, мотороллеры... Девушки обычно расплачиваются своими прелестями. Совсем маленькие девчушки. Неужто и моя Марина может стать такой в шестнадцать лет? Их детство загублено на людской скотобойне, их свежесть прикована к позорному столбу. Трудно сдержать слезы.

В один прекрасный день смертельная доза наркотика их убьет. А эти проклятые шприцы — они не ведают, что творят, они впрыскивают в вены будущего этот яд конца нашего тысячелетия: наркотик.

Пожелтевшая фотография: среди бела дня девушка прогуливается по улице, зажав в зубах шприц... В холле для скоростных поездов Лионского вокзала девятнадцатилетняя Кристоф Ривьер убита во время драки между иммигрантами из Магриба и сенегальскими «дилерами». Трудно сдерживать слезы.

Потребители кокаина, которых медленно убивает собственная загнивающая кровь, устилают улочки островка Шалон. От этого можно сойти с ума. Полиции известно, что она должна делать.

Мне тоже известно, что должен делать я. Ради Лорана и Марины. Моих детей, которым я пытаюсь передать свойственные нашей семье уравновешенность и внутреннюю гармонию. Так как я знаю, что не у всех детей есть такой шанс.

Ради них, ради всех тех маленьких французов, потерпевших крушение, я продолжаю вести свой бой, свой мяч.

«Наркотик — это смерть!»

Пусть полиция делает свое дело и занимается «дилерами» и мелкой шпаной. У меня же нет полицейской дубинки. Только мой «фонд» и те слова, которые я могу сказать. На фронтоне всей моей жизни большими буквами высечен такой лозунг: «Есть только один наркотик — это спорт».

Перевел с французского
Л. КАНЕВСКИЙ

Дейв ЛИНГ,
западногерманский журналист

— Мистер Блэкмор, я слыхал, вы не большой любитель давать интервью. Это правда?

— Да не в том дело. Просто я всегда говорю, что думаю, а это не всегда нравится боссам фирмы, на которой мы записываемся.

— А как вы относитесь к высказываниям прессы о деятельности возрожденных «Дип перпл»?

— Я всего этого не читаю: мне надоело злиться. С того момента, как мы решили снова играть вместе, журналисты только и заняты тем, как нас побольнее укусить. Так что от прессы я уже и не жду ничего хорошего. Мне нравится морочить голову журналистам. То я объявляю, что не даю интервью, потом говорю, что мы решили не выпускать пластинку, затем, немного погодя, сообщаю, что пластинка выходит, но получилась уж слишком скучной и т. п. Все это выдумки, но ведь мое мнение страшно интересует музыкальную прессу! Я помню, как еженедельник «Мелоди мейкер» решил взяться за Пола Маккартни: они всерьез писали, что он заработал чересчур много денег, свихнулся и занимается тем, что без конца перепрятывает деньги и ценности. Я тогда подумал: господи, как бы они и до Бетховена не добрались!

— Говорят, вы подолгу слушаете классическую музыку.

— Нет, не очень. Утверждают, например, что музыка XVII столетия обязательно возвышает. Но некоторые сочинения того времени мне не по душе. Так что делать?

— А какое впечатление производят на вас современные группы? Ну, например, «Металлика»?

— Группа в целом — средняя, а гитаристы — прекрасные.

— А кто еще из гитаристов, появившихся на рок-сцене в последние двatри года, вам нравится?

— Мне не нравится нынешняя система оценки мастерства. Сегодня хорош тот, кто быстрее перебирает пальцами по грифу. Это не игра, уж лучше слушать просто чередование двух нот. Вообще-то хороших гитаристов немало, но, по-моему, сейчас лидирует Стив Вэй (гитарист из группы Дэвида Ли Рота.) Он не только великолепно владеет инструментом, но и прекрасно сочиняет и подает свою музыку.

— А Ингви Мальмстин? По-моему, он очень напоминает вас начала восьмидесятых.

— Если напоминает, то об этом должен говорить сам Ингви. Меня часто спрашивают, как я отношусь к тому, что меня копируют. В общем-то, я не люблю людей, кому-то подражающих. Но Мальмстин работает превосходно. Я его уважаю: для того чтобы научиться так играть, ему пришлось как следует попотеть.

— Кто был инициатором воссоединения «Дип перпл»?

— Когда я гастролировал с «Рэйнбоу», я видел, что слушатели отнюдь не утратили интереса к «Дип перпл». С «Рэйнбоу» у меня связаны теплые воспоминания, но с годами в «Перпл» это не сравнить. К тому же мы в «Радуге» обленились, что ли. Это послужило первым толчком. Как-то на рождество я приехал к Гиллану и предложил перейти в «Рэйнбоу». Он сказал «нет», и мы мирно простились. Мне кажется, спустя четыре года все произошло само по себе. У меня начался разлад с нашим певцом, да и другие музыканты его не любили. К тому же солист начал принимать наркотики и впал в манию величия. Еще год я продержался, а потом решил: довольно. И все время в голове у меня вертелась мысль о «Перпл». Пора было начинать все сначала. Когда и Гиллан покинул свою группу, мы стали вспоминать, что же случилось с нами между 1972 и 1974 годами. У нас буквально бунт тогда поднялся. И все же не уходили, потому что это было тяжело. Многие группы семидесятых достойно решали взаимные споры. Мы не смогли. Мы были слишком молоды, понадобилось десять лет, чтобы все обдумать и сказать: а ведь было здорово, давайте опять соберемся вместе! Окончательное решение я принял в самом начале австралийского турне «Рэйнбоу». Я ощутил пустоту без музыки, которую мы играли раньше. К тому времени такое жесткое звучание осталось лишь у «Зед зед топ». Все остальные тренькали что-то под «Полис». Должен сказать, что «Полис» я просто не переношу! Сплошной галантерейный глянец!

— Все же многие удивляются: зачем «Перпл» решились на вторую попытку! Сорвали, дескать, солидный куш, можно и в тень уйти. Может случиться так, что с «Дип перпл» опять будет покончено?

— Нет, никогда!

— Находятся скептики, которые считают, что «Дип перпл» так долго вместе, что новых идей от них ждать напрасно.

— Я из тех скептиков, которые подобных воззрений не разделяют.

— Пока еще ни слова не было произнесено о хандре, меланхолии и прочем.

— Я считаю грусть нормальным состоянием человека. Однако для работы она опасна. В игре я играю, ничто от моей хандры не должно отражаться в музыке.

— Может ли Блэкмор во время интервью полностью раскрыться? Какой у него характер?

— Непостоянный. В момент все может измениться. Иногда меня вовсе не интересует, что обо мне думают. Иногда я не знаю, как оценить ту или иную ситуацию. Иногда меня тянет к друзьям, бывает, что хочется побыть одному.

— Еще один вопрос. Может ли Блэкмор быть всем доволен?

— Я бываю счастлив, но только на мгновение. И кто знает, что такое счастье?

— Доволен ли Ричи сегодняшним успехом «Дип перпл»?

— То, что мы хотели сделать, мы сделали. Вы это оцените, когда услышите новую пластинку. И увидите, прав ли был гитарист «Дип перпл».

Перевел с немецкого
С. ВОЛОХОНСКИЙ

Итак, вы прочитали интервью Ричи Блэкмора западногерманскому журналу «Метал хаммер». Вряд ли среди читателей «Ровесника» найдутся те, кто никогда не слыхал об этом выдающемся музыканте: его имя упоминается если не в каждой статье о рок-музыке, то через одну — наверняка (только в прошлом году мы дали «постер» «Дип перпл», опубликовали в № 8 полную дискографию группы). Да, Ричи Блэкмор стоял у истоков «Дип перпл», да, он некоронованный король хард-роковой гитары, да, Блэкмор создал «Рэйнбоу» — группу, интерес к которой сохраняется и по сей день. Но вряд ли даже самый искушенный любитель может проследить весь творческий путь музыканта, поскольку начало карьеры Блэкмора «покрыто мраком» — почти непроницаемым. Поэтому в качестве послесловия к интервью мы решили немного рассказать о начале его творческого пути — дело не только в информации для любознательных, сколько в «информации к размышлению»: каким путем идет формирование мастера? Тем более что Блэкмор действительно не любит давать интервью, и материалов о нем в западной рок-прессе публикуется немного.

Ричард Мэйсон Блэкмор родился

14 апреля 1945 года в маленьком английском городке, затем его родители переехали в один из пригородов Лондона. Там школьник Блэкмор уже организовал свою первую группу, она носила очень длинное название: «Туэнти уанс кофи бар джуниор скиффл груп» — в ней Ричи играл на акустической ритм-гитаре. Вторая любительская группа называлась «Доминейторз» (в ней начал свою карьеру барабанщика знаменитый Мик Андервуд), соло-гитаристом был Роджер Мингэй, бас-гитара — Алан Данклин, имя вокалиста история не сохранила. Следующая группа называлась «Кондоры», она же была последней перед выходом Блэкмора на профессиональную сцену.

В мае 1961 года группа «Сэвиджиз» объявила конкурс «на замещение вакантной должности соло-гитариста». Лидер группы, вокалист Лорд Сатч уже забраковал десяток кандидатов, когда в репетиционный зал вошел мужчина средних лет, тащивший за собой подростка с гитарой. Мужчину звали Арнольд Блэкмор, подростка — Ричард. Во время прослушивания Блэкмор-старший сидел на табуретке рядом с сыном. Шестнадцатилетний Ричи продемонстрировал такое мастерство владения инструментом, такой дар импровизации, что штатный гитарист группы Роджер Мингэй на следующий день подал в отставку: ни о какой конкуренции не могло быть и речи. Но Блэкмор не торопился принять предложение, считая себя «не вполне готовым к профессиональным выступлениям»,— в том же 1961 году он поступил на заочное отделение Лондонской консерватории по классу скрипки. И лишь спустя год, в апреле 1962-го, Ричи решил, что может стать профессионалом, и принял предложение «Сэвиджиз».

Сотрудничество Блэкмора с этой группой продолжалось очень недолго, и уже в октябре 1962 года он занял место гитариста в «Аутлоз». До прихода Блэкмора соло-гитаристом «Аутлоз» был его несостоявшийся конкурент Мингэй: складывалось впечатление, что Ричи поставил перед собой цель выжить Мингэя из поп-музыки, и, надо сказать, это ему удалось — покинув «Аутлоз», Мингэй эмигрировал в Австралию, где следы его потерялись.

В «Аутлоз» Блэкмор играл полтора года — за это время группа записала четыре сорокапятки, дала серию концертов с такими известными исполнителями, как Джин Винсент, Джерри Ли Льюис и Джон Лейтон. Но в апреле 1964 года Ричи покинул и эту группу: «В прессе мы регулярно получали отрицательные рецензии, причем критиков меньше всего занимала наша музыка — они обсуждали наши сценические костюмы, издевались над нашими прическами, в общем, их интересовало все, что угодно, кроме песен». Возможно, рецензентам не нравилось название («Аутлоз» в переводе с английского означает «Объявленные вне закона»), и поэтому они поставили группу вне закона объективности, но, как бы там ни было, неприязнь Блэкмора к музыкальным изданиям, его отвращение ко всякого рода интервью надо искать именно там, в первой половине 60-х.

Как только Блэкмор освободился от обязательств перед «Аутлоз», его пригласила группа из Саутгемптона «Гейнц и дикари»: за несколько месяцев «Дикари» умудрились объехать с гастролями Скандинавию и Австралию (кстати, в Швеции «закрученные» соло Блэкмора-«Дикаря» помнят гораздо лучше, чем его выступления в составе «Дип перпл»).

Новый 1965 год застал Ричи Блэкмора в новой группе «Крусейдерз», которую возглавлял известный певец Нейл Кристьен и в которой начинал свою карьеру прекрасный гитарист Алберт Ли. Известие о предполагаемом участии Ричи в концертах группы «вышибло» из нее довольно неплохого гитариста Фила Макпилла, который с тех пор бесследно исчез: немногочисленные в то время английские гитаристы стали поговаривать, что становиться на пути Ричи Блэкмора небезопасно! Сотрудничество Ричи с «Крусейдерз» проходило в три этапа, но на первом — с января по февраль 1965-го — оно было формальным: Блэкмор лишь подтвердил свое желание работать с группой, не больше.

Он вернулся в «Сэвиджиз», но дискуссии о перспективах группы с ее лидером Лордом Сатчем постепенно принимали такой острый характер, что через три месяца Блэкмор ушел, прихватив с собой бас-гитариста Эйвида Андерсена и барабанщика Торнадо Эванса. Трио предложило свои услуги Джерри Ли Льюису, тот их принял и отправился на гастроли в ФРГ. Завершив концертную программу, Льюис предложил музыкантам долгосрочный контракт, но поскольку Блэкмора никогда не привлекала карьера чистого инструменталиста в группе при певце — даже при таком великом, как Джерри Ли Льюис,— от контракта он отказался. Музыканты остались в ФРГ, и их пригласил для выступлений музыкальный клуб в Бохуме. Это было в декабре 1965 года.

Группа назвалась «Три мушкетера» — музыканты выходили на сцену в камзолах, при шпагах, а в перерывах между песнями устраивали фехтовальные инсценировки. Все шло прекрасно, но администрация «Стар-клуба» решила, что мушкетерские забавы проходят чересчур шумно, и расторгла контракт. В январе 1966 года «Три мушкетера» сложили свои шпаги.

Весной трио вернулось в Англию и полным составом влилось в остатки только что распавшихся «Крусейдерз». Блэкмор написал для нового состава песню «Это прекрасно!», она попала на 14-е место английского хит-парада, и о Ричи заговорили не только как о талантливом гитаристе, но отметили его композиторские способности (кстати, эта песня — единственная, в которой Блэкмор исполняет ведущую вокальную партию). Летом 1966 года группа отправилась на гастроли в Европу, и... на этом второй этап сотрудничества с «Крусейдерз» завершился: Ричи в очередной раз поверил обещаниям Лорда Сатча не скандалить и не склочничать и присоединился к его новой группе «Римская империя».

Состав «Римской империи» подбирался весьма тщательно: помимо Сатча и Блэкмора, в группу входили не менее сильные музыканты, такие, как клавишник Мэттью Фишер, позже получивший известность в «Прокол харум», бас-гитарист Тони Денджерфилд, до «Империи» игравший в дюжине различных групп, а после нее собравший воедино будущих «ЭЛО», прекрасный саксофонист Джоэл Джеймс и ветеран «Сэвиджиз» барабанщик Карло Литтл. Музыканты «Римской империи» выступали в гладиаторских тогах, и Лорд Сатч, несмотря на все обещания исправиться, впал в манию величия и стал именовать себя Цезарь Сатч. Блэкмору все это надоело, и он вновь отправился в ФРГ (после его ухода «Римская империя» прекратила существование), где ненадолго присоединился к гастролирующим там «Крусейдерз»: «Группы менялись как в калейдоскопе, но ни одна из них не соответствовала тому идеалу, который сложился в моем воображении,— вспоминал Блэкмор.— Было ясно, что продолжать таким образом можно до бесконечности, но количество никогда не перейдет в качество, поэтому я решил на время прекратить музыкальную карьеру».

Днем Ричи бесцельно слонялся по Гамбургу, а вечерами, запершись в гостиничном номере, разыгрывал бесконечные гаммы, готовясь к выпускному экзамену в консерватории. К сентябрю он не выдержал и с тремя старинными приятелями организовал квартет «Мэндрейк рут», существовавший всего месяц: до концертов дело так и не дошло. В октябре 1968 года Блэкмор вернулся в Англию, получил диплом об окончании консерватории и снова уехал в ФРГ. В Гамбурге его ждала телеграмма от органиста церкви св. Терезы в Лондоне Йона Лорда с предложением сотрудничества. «Профессиональный органист и перспектива группы с выделенными клавишными,— говорил Ричи,— все это казалось очень заманчивым, и я решил срочно лететь в Лондон».

Как оказалось, он вылетел навстречу «Дип перпл». Но это уже совсем другая история.

С. КАСТАЛЬСКИЙ

ДИСКОГРАФИЯ «РЭЙНБОУ» (БЕЗ СБОРНИКОВ): Ritchie Blackmore's Rainbow, 1975; Rainbow Rising, 1976; On Stage, 1977 (2LP—Live); Long Live Rock'n'Roll, 1978; Down to Earth 1979; Difficult to Cure, 1981; Jealous Lover, 1981 (EP); Straight Between the Eyes, 1982; Bent out of Shape, 1983.

16

В 4-м номере «Ровесника» за прошлый год мы опубликовали фотографию американской рок-группы «Металлика». Пластинка «Металлики» 1986 года называется «Кукловод в театре марионеток», и здесь мы приводим песню, по которой назван весь альбом. В песне говорится об одной из самых страшных бед, обрушившихся на молодежь,— о наркомании. «Я — твой источник саморазрушения, я накачиваю твои вены страхом, самым темным, веду к смерти по своей тропе... Ползи, ползи ко мне, подчиняйся своему хозяину, и твоя жизнь сгорит мгновенно — я хозяин марионеток, дергаю за ниточки, уродую твой разум, разрушаю твои мечты. Я — твой хозяин!.. А вот теперь ты живешь в аду, и все для тебя утратило смысл, ты плывешь по дням, и их осталось немного. Теперь твоя жизнь никому не нужна, я беру тебя в плен, я помогу тебе умереть, я пробегу по твоим венам — теперь я твой хозяин!»

Такая вот песня-предупреждение.

P. S. Вниманию тех, кто решит исполнять эту песню: отсутствие нотного сопровождения не случайно, поскольку именно музыкальная импровизационность дает возможность с максимальной выразительностью подчеркнуть смысл данного текста. Мелодическое сопровождение следует строить на четырех хроматических нотах в размере 4/4. Ритм может варьироваться.

1. End of passion play, crumbling away
I'm your source of self-destruction
Veins that pump with fear, sucking darkest clear
Leading on your deaths' construction
Taste me you will see
More is all you need
You're dedicated to
How I'm killing you

Come crawling faster
Obey your master
Your life burns faster
Obey your master, master
Master of puppets I'm pulling your strings
Twisting your mind and smashing your dreams
Blinded by me, you can't see a thing
Just call my name, 'cause I'll hear you scream
Master, master
Just call my name, 'cause I'll hear you scream
Master, master

2. Needlework the way, never you betray
Life of death becoming clearer
Pain monopoly, ritual misery
Chop your breakfast on a mirror
Taste me you will see
More is all you need
You're dedicated to
How I'm killing you

3. Master, master, where's the dreams that I've been after?
Master, master, you promised only lies
Laughter, laughter, all I hear or see is laughter
Laughter, laughter, laughing at my cries

4. Hell is worth all that natural habitat
Just a rhyme without a reason
Neverending maze, drift on numbered days
Now your life is out of season
I will occupy
I will help you die
I will run through you
Now I rule you too

Ровесник 1/89

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Разговор с двумя преуспевающими молодыми американцами об отношении к труду.

Венгерский опыт законодательного обеспечения молодежи.

Слово о лесе швейцарского писателя.

Очерк западногерманского журналиста: «Коррида как она есть».

Конкурс перевода стихов английских школьниц.

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.